



ПРИХОДСКАЯ №71

Газета

ФЕВРАЛЬ 2011



ХРАМА СВВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:



Великий пост:

паломничество к радости 2

Затеряны и забыты?

Служение беженцам и
переселенцам 11

«В темнице был, и вы пришли ко Мне».

Миссионеры в Ниже-
городской колонии 13

Кровь мучеников – семя Церкви.

Сщмч. Герман (Ряшенцев) 20

Давать, а не просить.

Памяти Зои Маслени-
ковой 26

БЛАГОСЛОВЕННОЕ ВРЕМЯ «СОРОКАДНЕВНОЙ ВЕСНЫ»

Радостно примем, вернии, боговдохновенное завешание поста, якоже прежде Ниневитяне: и паки, блудницы и мытари: яже покаяния проповедь от Иоанна есть; воздержанием уготовимся к преселению в Сион, Владычняго священнодействия, слезами предочистимся в нем божественного умовения. Помолимся видети образные зде Пасхи совершение, и истинныя явление. Уготовимся на поклонение Креста, и Воскресения Христа Бога, вопиюще к Нему:

Не посрами нас от чаяния нашего, Человеколюбче.

Стихира на вечерне Сырного вторника

Радостно воспримем, верные, боговдохновенное возвешение Поста. Как прежде ниневитяне, как блудницы и мытари, которые слышали проповедь Иоанна о покаянии, воздержанием приготовимся к восхождению на Сион, где Господь совершил священнодействие (Евхаристию). Очистимся слезами перед этим Божественным омовлением. Помолимся, чтобы увидеть образы совершения Пасхи и истинного Откровения. Приготовимся к поклонению Кресту и Воскресению Христа, Бога нашего, взывая к Нему: Не презри нас в надежде нашей, Человеколюбче!



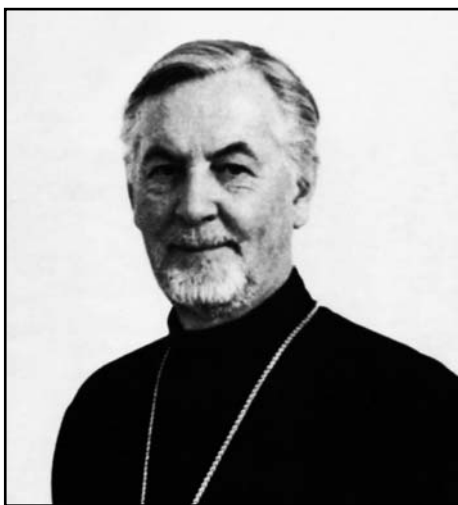
Фото Георгия Колосова

Прот. Александр Шмеман

ПОСТНОЕ СТРАНСТВИЕ. ВЕЛИКИЙ КАНОН

Идея и опыт Великого поста – духовное странствие, цель которого – перенести нас из одного духовного состояния в другое. Большинство современных христиан не понимает этой цели Великого поста и видит в нём только тот период года, когда они должны исполнить свои религиозные обязанности, причаститься (один раз в год!) и подчиниться некоторым ограничениям в пище, которые скоро будут возмещены полным «разрешением» поста в пасхальные дни. И благодаря тому, что не только светские люди, но и многие священники восприняли это простое и формальное понимание Великого поста, его истинный дух почти исчез из жизни. Восстановление богослужебного и духовного значения Великого поста – одна из важнейших и насущных задач наших, но восстановление это возможно только на основе подлинного понимания богослужебного ритма и строя великопостного богослужения.

В самом начале Великого поста как тот исходный «тон», которым определяется вся великопостная «мелодия», мы находим Великий покаянный канон св. Андрея Критского. Он разделён на четыре части и читается за Великим повечерием, вечером в первые четыре дня поста. Его можно описать как покаянный плач, раскрывающий нам всю необъятность, всю бездну греха, потрясающий душу отчаянием, раскаянием и надеждой. С исключительным искусством св. Андрей переплетает великие библейские образы – Адама и Еву, рай и грехопадение, патриарха Ноя и потоп, Давида, Обетованную землю и выше всего Христа и Церковь – с исповеданием грехов и раскаянием. Со-



Современный человек, если он и исповедует свои грехи, уже не раскаивается в них. ...Он либо формально перечисляет свои прегрешения и нарушения обрядовых правил, либо же говорит с духовником о своих «проблемах», ожидая от религии своего рода терапии, лечения, которое вернёт ему счастье и спокойствие.

бытия священной истории являются как события моей жизни, дела Божии в прошлом – как дела, касающиеся меня и моего спасения, трагедия греха и измены – как моя личная трагедия. Моя жизнь показана мне как часть той великой, всеобъемлющей борьбы между Богом и силами тьмы, которые восстают на Него.

Канон начинается с глубоко личного вопля:

Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию?

(С чего начну я оплакивать окаянные дела моей жизни? Какое начало положу я, Христос, нынешнему рыданию?)

Один за другим раскрываются мои грехи в глубокой связи их со всё продолжающейся трагедией отношений человека к Богу; история первого грехопадения – это моя личная история:

Первозданного Адама преступлению поревновав; познах се-

бе обнажена от Бога, и присносущного Царствия и сладости, грех ради моих...

(Я совершил преступление первозданного Адама; я знаю, что я отрешён от Бога и вечного Его Царства и сладости из-за моих грехов...)

Я потерял все божественные дары:

Оскверних плоти моя ризу, и окалях еже по образу, Спасе, и по подобию. Омрачих душевную красоту страстей сластями, раздрах ныне одежду мою первую, юже ми истка Зиждитель из начала, и оттуда лежу наг...

(Я осквернил одежду моей плоти, осквернил то, что было, Спасе, по образу и по подобию. Я омрачил душевную красоту наслаждениями страстей. Ныне я раздёрал первую мою одежду, которую мне в начале соткал Зиждитель, и поэтому я наг...)

Итак, в течение четырёх вечеров девять песен канона говорят снова и снова о духовной истории мира, которая в то же время – история и моей души. Слова канона призывают меня к ответу, ибо говорят они о событиях и делах прошлого, смысл и сила которых вечны, поскольку каждая человеческая душа – единственная и неповторимая – проходит тем же путём испытаний, стоит перед тем же выбором, встречается с той же высшей и важнейшей реальностью. Примеры из Священного Писания не просто «аллегории», как думают многие люди, считающие поэтому, что Великий канон чересчур перегружен именами и происшествиями, не относящимися к ним. Такие люди спрашивают, зачем говорить о Каине и Авеле, о Соломоне и Давиде, когда проще было бы сказать: «Я

согрешил»? Они не понимают, что самое понятие слова *грех* в библейском и христианском Предании имеет глубину и насыщенность, которых «современный человек» просто не в силах понять, и что поэтому исповедание им своих грехов глубоко отлично от настоящего христианского раскаяния.

Действительно, та культура, в которой мы живём и которая образует наши современные взгляды, в сущности, просто исключает понятие греха. Поэтому что грех – это прежде всего падение человека с неизмеримой духовной высоты, отказ его от своего «высокого призвания». Но какое значение это может иметь для культуры, которая не знает и отрицает эту «духовную высоту», это «призвание» и оценивает человека не «сверху», а «снизу», – для культуры, которая если и не отрицает открыто Бога, то фактически вся, сверху донизу, материалистическая и потому рассматривает жизнь человека только с точки зрения материального благополучия, не признавая его высокого, трансцендентального призвания? В ней грех рассматривается главным образом как естественная «слабость», происходящая в основе от социального неустройства и поэтому исправляемая лучшей социальной и экономической организацией.

Поэтому современный человек, если он и исповедует свои грехи, уже не раскаивается в них. В зависимости от того или иного понимания им своих «религиозных обязанностей», он либо формально перечисляет свои прегрешения и нарушения обрядовых правил, либо же говорит с духовником о своих «проблемах», ожидая от религии своего рода терапии, лечения, которое вернёт ему счастье и спокойствие. Ни в том, ни в другом случае мы не видим раскаяния, потрясения человека, который, узрев себя как образ

неизречённой славы, сознаёт, что он изменил этому «образу», запятнал и отверг его своей жизнью; нет раскаяния как печали о грехе, исходящей из самой глубины человеческого сознания, как желания вернуться, как отдачи себя Божьему милосердию и любви. Вот почему недостаточно просто сказать: «Я согрешил». Эти слова приобретают своё подлинное значение и действительность только тогда, когда грех воспринят и пережит во всей его глубине и горести.

Грех прежде всего есть отказ от жизни как приношения и дара, как жертвы Богу, или, другими словами – отказ от жизни для Бога и по-Божьему.

Значение и цель Великого канона именно в том и состоят, чтобы явить нам грех и тем самым привести нас к раскаянию. Но он являет нам грех не определениями и перечислениями, а неким глубоким созерцанием библейской истории, которая поистине есть история греха, покаяния и прощения. Это созерцание вводит нас в совершенно иную духовную культуру, призывает нас принять совершенно иное понимание человека, его жизни, его целей, его духовных «мотиваций». Канон восстанавливает в нас то духовное мироощущение, внутри которого раскаяние становится снова возможным. Когда мы слышим, например:

Авелева, Иисусе, не уподобился правде, дара Тебе приятна не принесох когда, ни деяния божественна, ни жертвы чистыя, ни жития непорочного...

(Я не уподобился, Иисусе, Авелевой правде, никогда не принёс Тебе приятного дара, ни дел божественных, ни жертвы чистой, ни безгрешной жизни...) – мы понимаем, что история первого жертвоприношения, так кратко упоминаемая в Библии, открывает нам нечто основное и в нашей собственной жизни, основное в самом человеке. Мы понимаем, что грех прежде всего

есть отказ от жизни как приношения и дара, как жертвы Богу, или, другими словами – отказ от жизни для Бога и по-Божьему. Мы понимаем, что корень греха – это отклонение нашей любви от высочайшего её объекта. И благодаря этому откровению становится возможным произнести слова, бесконечно отдалённые от современного опыта жизни, но которые звучат глубочайшей правдой.

Брение Здатель живосоздав, вложил еси мне плоть и кости, и дыхание и жизнь: но, о Творче мой, Избавителю мой и Судия, кающаяся прими мя.

(Из праха создав жизнь, Ты вложил в мою плоть и кости и дыхание, и жизнь: но, о Создатель мой, Избавитель мой и Судия, прими меня, кающегося.)

Для того чтобы по-настоящему «услышать» Великий канон, требуется, конечно, знание Библии и способность усваивать значение библейских образов. Если в наши дни столь многие находят его скучным и не относящимся к нашей жизни, это происходит оттого, что вера их не питается из источника Священного Писания, которое для Отцов Церкви было именно источником их веры. Мы должны вновь научиться воспринимать мир таким, каким он открывается нам в Библии, научиться жить в этом библейском мире; и нет лучшего способа научиться этому, как именно через церковное богослужение, которое не только передаёт нам библейское учение, но и открывает нам библейский образ жизни.

Вот почему постный путь начинается с возврата к «исходной точке», к Творению мира, Грехопадению, Искуплению, к тому миру, где всё говорит о Боге, всё отражает Божью славу, где всё, что происходит, все события непосредственно связаны с Богом, где человек находит настоящие измерения своей жизни и, найдя их, кается.



Прот. Александр Борисов

О ПРОЩЕНИИ*

Беседа на радиостанции «Надежда»

Мы с вами сейчас находимся в преддверии Великого поста. Уже в воскресенье, предшествующее масленичной неделе, православные христиане отказываются от мясной пищи. А со следующего воскресенья сырная и молочная пища тоже отпущается, исключается из нашего рациона, и с понедельника начинается Великий пост. Это то, что касается канонической части. Что же касается богословской части, то наставления, которые мы с вами слышим на богослужении в эти воскресенья, – вещи гораздо более важные.

В мясопустную неделю читалось Евангелие о Страшном Суде. О том, как Бог будет судить всех людей и каждого человека в отдельности. Каждый человек даёт ответ в будущей жизни, которая ожидает всех, ибо умирает только тело, а душа продолжает жить в том невидимом мире, где она встречается со всеми, кого любила в этой жизни, встречается с Господом. И эта встреча может быть радостной, а может быть встречей в осуждение, страшной, если человек всё, о чём говорит Библия, в своей жизни отрицал. И также важное Евангелие читается накануне Великого поста, в Прощёное воскресенье, – о необходимости прощения.

Но сначала обратимся к притче о Страшном суде. «Когда же приидет Сын Человеческий во славу Своей... тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и разделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов... Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего,

наследуйте Царство... ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был болен, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. ...истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Тем же, кто не сделал этого, Господь скажет: «...так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф 25:31–46).

Если мы кого-то не можем простить, то не будем ли мы тем самым призывать Господа, чтобы и Он нас не простил?

Эта притча совершенно определённо говорит нам о том, что для Бога все наши дела открыты и Он отделяет злых от праведников так же легко, как пастух отделяет овец от коз. (Надо сказать, что на Ближнем Востоке и сейчас овцы, как правило, белого цвета, а козы чёрного.) Вот так же легко и Бог видит сердце человека, но жизнь его уже закончена, итог жизни ясен. Здесь для нас важно, что, во-первых, Господь называет нас «братья Мои меньшие». Каждый из нас является братом Господним, потому что Сын Божий воплотился, принял наше человеческое естество и во всём подобен нам, кроме греха. Любой из нас, независимо от национальности, вероисповедания, политических взглядов, человеческих качеств, является братом Господа нашего Иисуса Христа, ибо Он хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины. Вот первое значение этой притчи.

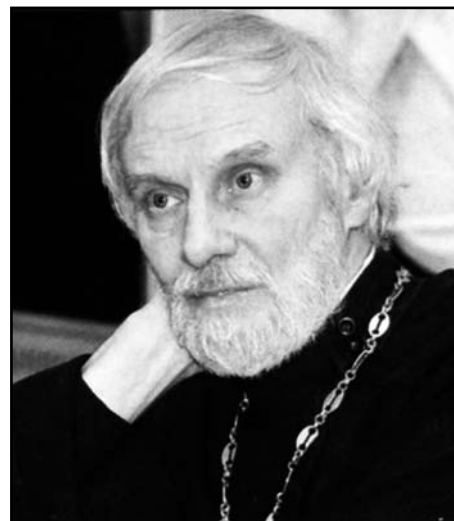


Фото А. Кремлёва

И второе, гораздо более важное. Не имеет значения, как мы себя называем: православными, католиками, баптистами, верующими, неверующими, христианами, мусульманами или кем-то ещё – об этом в притче ничего не сказано, а сказано только о том, оказали ли мы помощь нашему ближнему в нужде.

Но может возникнуть вопрос: быть может, тогда и не нужно быть верующим, чтобы стать «по правую сторону»? Нужно! Нужно, потому что, чтобы по-настоящему преодолеть свой эгоизм, свою самость, сделать служение ближнему не просто каким-то эпизодом, порывом, а содержанием жизни, наполнить им нашу жизнь, посвятить её другому, нужна вера. Вера в то, что я создан по образу и подобию Божьему, что мне дано от Господа великое поручение – быть Его свидетелем здесь, в этом мире. Когда мы помним это, нам становятся понятны слова апостола Павла: честь и слава всякому, делающему доброе, сначала – иудею, а потом и эллину; и скорбь и теснота всякому человеку, делающему злое, во-первых – иудею, а во-вторых – эллину (см. Рим 2:9–10). Казалось бы, странно: почему апостол больше ответственности возлагает на иудея? Апостол Павел проповедовал в иудейских общинах. Среди них

* Печатается в сокращении.

были и язычники, которые обращались сердцем к тем духовным ценностям, которые нёс в себе Ветхий Завет на протяжении многих веков. Апостол говорил людям, которые уже знали Ветхий Завет и являли в мире очень возвышенную, нравственно глубокую веру в Единого Бога, Творца неба и земли. И каждый из них, когда он делал что-то дурное, не только себя тем самым дискредитировал, но и свою веру. Перефразировав слова апостола, мы можем сказать, что сегодня каждый верующий христианин, если он делает доброе, прославляет не только самого себя, но прежде всего Церковь и само название «христианин».

Если же он делает что-то дурное, то он не только себя порочит, а порочит Церковь.

Все мы помним притчу о талантах: богатый господин даёт трём своим рабам таланты (талант – это крупная денежная единица, большой слиток золота или серебра), каждому по его силе, и двое их приумножили, а третий, боясь, как бы чего не вышло, зарыл свой талант в землю. Наша вера, наша принадлежность к христианской Церкви, наше знание Священного Писания – это те таланты, которые нам дал Господь, и на эти таланты мы приносим то, чего Бог от нас ожидает, совершаем Его работу в мире – или не совершаем, если мы заняты только нашим личным делом. И сразу после этой притчи Господь говорит о Страшном Суде. Потому что Он дал нам талант веры, который мы должны умножать для славы нашего Господа, чтобы уже сейчас в истории жили Его добро, Его правда, Его Свет, Его истина. Чтобы мы, даже когда нам трудно, ради Христа могли оторваться от своих занятий и использовали свои силы и время для помощи какому-то человеку. Сам Господь сказал: то, что ты сделал для твоего брата, ты сде-

лал для Меня. Будем помнить об этом назидании, которое Господь даёт нам в преддверии Великого поста. Ведь пост – это не просто воздержание от пищи, это прежде всего воздержание от злых дел ради дел добрых.

Когда мы говорим о посте, очень важно посмотреть, к чему призывали ветхозаветные пророки. В 58-й главе Книги Исаии пророк говорит от имени людей, которые обращаются к Богу, чувствуя, что пост их какой-то бесполезный, ничего им не приносит: «Почему мы постимся, а

Он дал нам талант веры, который мы должны умножать для славы нашего Господа, чтобы уже сейчас в истории жили Его добро, Его правда, Его Свет, Его истина.

Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?» И пророк отвечает как бы от лица Божия: «В день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других... Это ли назовёшь постом и днём, угодным Господу? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетённых отпусти на свободу... раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его... Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твоё скоро возрастет, и правда твоя пойдёт пред тобою... и будет Господь вождём твоим всегда... и ты будешь, как напоённый водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают» (ст. 3–11). Вот какое замечательное наставление мы имеем на страницах Ветхого Завета.

А теперь обратимся к не менее важному для нас воскресенью, которое мы называем Прощёным. В этот день служится уже великопостная вечерня, читается прекрасная молитва св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...», и по окончании ве-

черни верующие и духовенство просят друг у друга прощения, с тем чтобы примирёнными войти во время Великого поста.

Прощение – необычайно важная вещь. В единственной молитве, которую нам дал Господь Иисус, – прекрасной молитве «Отче наш» собрано всё самое главное. И среди прошений есть такое: «прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». То есть условие нашего прощения Богом есть прощение нами тех, кто является нашим должником, как мы являемся

должниками по отношению к Богу. И очень важно, что сразу после молитвы «Отче наш» идёт текст, который мы услы-

шим в воскресенье, в начале Великого поста, за Божественной Литургией: «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших. Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры...» и т.д. (Мф 6:14–18).

Таким образом, мы видим, что Господь разъясняет самое главное – умение прощать, для того чтобы и мы были прощены Отцом Небесным. В Послании к Колоссянам апостол Павел пишет: «...прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы» (3:13). Будем помнить об этом всегда.

Притча о милосердном заимодавце из 18-й главы Евангелия от Матфея (ст. 21–35) очень важна для нас, чтобы понять: прощая других, мы получаем прощение от Господа и, не прощая, не получаем прощения от Него. Потому что мы, как должник в притче, гораздо большие должники перед Господом, чем другие люди перед нами. «Тогда Пётр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему

против меня? до семи ли раз?» Задавая этот вопрос, Пётр, по видимому, полагал, что благородный человек семь раз готов прощать брату, прежде чем у Бога просить прощения. «Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз». Значит, семьдесят раз по семь, т.е. практически бесконечно. И Господь уподобляет Царство Небесное царю, который простил рабу огромный долг. А раб этот не захотел простить малый долг своему товарищу и посадил его в темницу. «И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его».

Таким образом, мы должны себе отдать ясный отчёт, что прощение – это не просто какое-то сентиментальное чувство. Это прежде всего направление нашей жизни: хочу простить, потому что Ты, Господи, сказал это и как Твой ученик я не могу ослушаться Тебя. Мне трудно простить тяжёлую обиду, которую нанёс мне мой ближний или не очень близкий человек, но когда я буду молиться об этом человеке, когда я буду просто своими словами просить Господа: «У меня нет силы простить свою обиду, но я хочу её простить, потому что Ты так сказал», – то мы очень скоро заметим, как Господь выйдет к нам навстречу. И, быть может, через несколько минут даже в нашем сердце появится совершенно особое чувство: мы почувствуем, что меняется наше отношение к этому человеку. Так же, когда мы начинаем молиться о каком-нибудь человеке, который придерживается других взглядов, который считает нас своим врагом – и мы невольно становимся его врагами, когда мы начинаем даже просто формально молиться о нём, мы видим, как меняется сердце этого

человека. И самое главное – меняется наше сердце, наше отношение к этому человеку: нам становится легко простить его, легко молиться о нём. Речь, конечно, идёт совсем не о том, чтобы дурной поступок этого человека назвать хорошим или принять взгляды, с которыми мы совершенно не согласны, которые не являются христианскими по своей сути. Но если мы молимся об этом человеке, то мы можем просить, чтобы Господь дал ему покаяние, изменил его сердце, направил к свету, к добру. И вот тут происходит удивительное: меняется наше отношение к этому человеку, мы начинаем видеть совершенно другое, чем видели до этого, и нам легко становится понять слова многих учителей Церкви, отцов Церкви о том, что необходимо не любить грех, а не грешника, что грех – вот то главное зло, против которого мы должны бороться и восставать. Есть замечательная молитва оптинских старцев; она не относится к нашим каноническим молитвам, но получает всё большее распространение, составлена ближе к нашему времени, более понятным нам языком и более отвечает нашим сегодняшним нуждам. Там есть такая строчка: «Научи меня молиться, надеяться, верить, терпеть, прощать и любить», – просьба, чтобы Господь научил нас прощать.

Я хотел ещё сказать вот что: если мы имеем против кого-нибудь злобу, гнев, то можем ли вообще молиться молитвой «Отче наш»? Мы говорим: «Прости нам, как и мы прощаем...» А если мы не прощаем, если мы полны ненависти к каким-то людям, группе лиц или какой-то политической партии? Сейчас стала модной среди некоторых кругов ненависть к представителям власти, оскорбительные лозунги, даже со стороны людей, которые считают себя христианами, хотя в Библии чётко сказано: «Начальствующим в своём наро-

де не злословь» (ср. Исх 22:28). Как говорили древние римляне, закон может быть плох, но ему надо следовать; президент может быть плох, но он – президент. Поэтому, уважая конечный идеал, уважая сам принцип власти, не следует выходить за рамки приличия. И я думаю, что этот принцип, который утверждается Господом Иисусом (не мною, не какими-то батюшками ещё, не просто людьми), – принцип «прости нам долги наши, как и мы прощаем» очень важен. И если мы кого-то не можем простить, то, наверное, нам нужно подумать, не будем ли мы тем самым призывать Господа, чтобы и Он нас не простил.

Должен сказать, что это относится не только к отдельному человеку, но и к любой группе, национальной или религиозной. Последнее время у нас сложилось очень неприязненное отношение к т.н. «лицам кавказской национальности». Нам приходится сталкиваться, конечно, с противоправными действиями этих людей, но это не значит, что мы должны сразу на человеке ставить крест только из-за того, что он приехал с Кавказа: христианам это никак не подходит. Кроме того, в последнее время возрос антисемитизм, враждебное отношение к евреям, причём возрос именно в христианской, церковно-православной среде. Это никак не сочетается с христианством, с принципом: любите врагов ваших, благотворите даже к тем, кто к вам относится плохо. Сам Господь простил Своих палачей, Он говорил: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят». Мы должны об этом всегда помнить. Есть такой расхожий аргумент в оправдание ненависти к евреям: «Они распяли нашего Господа». Ну, во-первых, они распяли Своего Мессию, Которого Бог им послал. Во-вторых, это было предсказано. Сам Господь молился и Сам Господь их прощал; имеем ли мы нравствен-

ное право не прощать их, а пылать ненавистью?

Давайте вспомним первую проповедь апостола Петра после исцеления хромого в храме. Обращаясь к иудейской толпе, он говорит: «Что вы удивляетесь? Мы не своею силою сделали это, а силою Господа Иисуса Христа, Начальника жизни, Которого вы убили, а Он воскрес». И далее апостол Пётр говорит толпе, которая полтора месяца назад кричала «Распни, распни Его!»: «Впрочем я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению... Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши». Вот такие слова мы читаем в Книге Деяний (3:17–19).

Если мы откроем Послание к Римлянам, 11-ю главу, то прочтём очень важную вещь. У апостола Павла, как и у нас с вами, возникает вопрос: почему же случилось так, что еврейский народ не узнал Своего Мессию? Почему те, кто имел обетование, Книги Пророков, веру и всё необходимое, чтобы узнать Мессию, оказались врагами Божиими? И вот как отвечает на это апостол Павел: «Неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак. Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них (в евреях. – А. Б.) ревность. Если же падение их – богатство миру, и оскудение их – богатство язычникам, то тем более полнота их. Вам говорю, язычникам. Как Апостол язычников, я прославляю служение моё» (ст. 11–13).

Дело в том, что в христианских общинах в Риме одновременно присутствовали и христиане из иудеев, и христиане из язычников, и нередко были конфликты, потому что христиане из иудеев превозносились, полагая, что именно у них – все обетования, вся полнота веры, они как бы христиане первого сорта. А христиане из язычников тоже, видимо, отстаивали своё

самолюбие, говорили: «Зато мы не отвергли Христа, мы Его сразу приняли, а вы-то отвергли». И апостол Павел по решению Первого Апостольского Собора проповедовал язычникам, а Пётр проповедовал главным образом среди иудеев, обращая их. Апостол Павел говорит: «...Если отвержение их – примирение мира (примирение языческого мира с Богом, обращение его к Единому Богу, принятие Иисуса Христа. – А. Б.), то что будет принятие (евреями христианства. – А. Б.), как не жизнь из мёртвых?» (Рим 11:15). Речь идёт, по-видимому, о том, что был особый Промысел, чтобы христианская Церковь не стала национальной Церковью Израиля.

Главный наш враг – не какая-то национальная группа, не какая-то политическая партия, не какие-то мифические масоны, а грех, то настоящее зло, которое живёт в каждом человеке.

И в этом случае принятие христианства для каждого язычника означало вхождение в иную национальную общину. Напротив, в силу того что Израиль отверг Своего Мессию, христианская Церковь сразу стала интернациональной. Она сразу стала принадлежать всем народам – всем, кто хотел в неё войти.

И апостол Павел продолжает свою речь, обращаясь к язычникам: «Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви. Если же некоторые из ветвей (из евреев. – А. Б.) отломились, а ты, дикая маслина (язычник. – А. Б.) привился на место их и стал общником корня и сока маслины (корня Ветхого Завета, который держит всю Церковь, потому что псалмы, которые мы читаем на богослужении ежедневно, написаны евреями, пророчества, паремии, которые мы читаем в дни Рождества и Пятидесятницы, принадлежат Ветхому Завету. – А. Б.), то не превозносись перед ветвями (перед евреями, принявшими христиан-

ство. – А. Б.). Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя» (ст. 15–18). Иными словами, и над евреями – последователями иудаизма не превозносись, потому что всё древо христиан идёт из корня Ветхого Завета, потому что Иисус – потомок Давида, сын Авраама. Достаточно прочитать 1-ю главу Евангелия от Матфея, чтобы видеть, что это обетование, которое идёт от Авраама. И далее читаем: «Скажешь: “ветви отломились, чтобы мне привиться”. Хорошо. Они отломились неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя» (Рим 11:19–21).

Вот какое важное написание нам дал апостол Павел, чтобы мы примирялись не только с нашими ближними, не только с родными, с которыми живём под одним кровом, а чтобы мы не имели вражды ни с какой национальной группой, ни с какой политической партией, чтобы мы помнили о том, что Бог ожидает от нас именно этого мирного духа, и о том, что главный наш враг – не какая-то национальная группа, не какая-то политическая партия, не какие-то мифические масоны, а грех, то настоящее зло, которое живёт в каждом человеке, к сожалению. Будем помнить, что вражда наша «не против крови и плоти» (Еф 6:12), не против людей, но против сатаны, против духов злобы.

Мне хотелось бы пожелать вам очень хорошего, благочестивого дела, принятого в нашей Церкви: за пост прочесть все четыре Евангелия. Плюс, конечно, то, что вам будут советовать ваши духовники.

Да хранит вас Господь!

9 марта 1994 г.

Расшифровала аудиозапись
Светлана Лукьянова



Свящ. Георгий Чистяков

КАК МЫ ПОНИМАЕМ ЗАПОВЕДИ*

Домашняя беседа

Великий пост – время духовного сосредоточения, время особого испытания совести. Советы митр. Сурожского Антония, прот. Александра Шмемана, памятка «О проведении Великого поста» о. Александра Меня помогают многим из нас готовиться к исповеди. Беседа о. Георгия Чистякова в одной из малых групп, переданная в редакцию именно в преддверии Великого поста, ставит перед нами вопросы, не грешим ли мы формализмом в понимании заповедей Декалога, готовы ли помогать другим своим опытом и свидетельством. Текст публикуется впервые. При его подготовке устранены повторы и другие особенности устной речи.

Давайте поговорим о том, что такое для нас заповеди Ветхого Завета в свете Евангелия. Одно не заменяется другим, это совершенно ясно. Мы видим, как люди через Ветхий Завет приходят к Новому. Не случайно обратившиеся ко Христу из числа иудеев становятся иной раз значительно более пронзительными христианами, чем те, кто приходит ко Христу из числа язычников. С другой стороны, мы видим, какой тупик – христианство без Ветхого Завета (это пытались сделать ещё в древности гностики, а потом каждый век рождал всё новые попытки христианства без Ветхого Завета).

Сегодняшнее православие, которое часто проповедуется на страницах олокоммунистических газет, – это тоже православие без Ветхого Завета. И мы видим, во что это выливается, сколько в таком варианте христианства (которое уже не христианство) и злобы, и ненависти, и того, что разрушает всех нас. Некоторые покупают Священное Писание – такое вот, как у меня в руках, и обрывают одну часть, а другую сохраняют. Я видел в еврейских семьях Библию издания Московской патриархии с оторванным Новым Заветом. И есть христианские семьи, где отрывают Ветхий Завет.

Это очень страшно, потому что, пока мы со стороны, это нам видно, но мы и сами это часто делаем. Поэтому нам сегодня надо по-

смотреть, как звучат заповеди в свете Евангельской истины.

Интересно, что Спаситель, когда говорит богатому юноше про заповеди, начинает с шестой и на последнее место ставит пятую: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле». Первые заповеди в данном перечне отпадают. Наверное, поэтому, что с ними для христианина всё ясно. Ясно, что христианин взял уже себе в сердце: у него других богов пред лицом Божиим не будет. Ясно, что христианин не будет делать себе кумира, не будет поклоняться ему и служить ему. И ясно, что, если мы христиане, мы не будем произносить имени Господа Бога нашего напрасно.

Конечно, с первыми четырьмя заповедями тоже много проблем, но всё-таки это не проблемы обыденной жизни. А вот с пятой заповедью, действительно, начинаются те, которые относятся к нашей ежедневной жизни: не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй и не желай дома, жены ближнего, раба, рабыни, вола, осла и т.д. (наверное, на современном языке можно сказать «не завидуй»).

Почему-то Иисус ставит на последнее место пятую заповедь. Вероятно, с ней есть какие-то особые проблемы. Конечно, такая инверсия не случайна. Мы не так уж хорошо знаем заповеди наизусть, и то для нас эта инверсия видна. А для Его слушателей было сразу



Фото А. Кремлёва

заметно, что пятая заповедь попала в конец списка.

Так вот, жизнь наша становится очень странной, если мы пытаемся эти «ежедневные» заповеди обходить. Правда, мы не убиваем (надо полагать). Мы считаем, что не крадём. Считаем, что, в общем-то, не лжесвидетельствуем (как правило). Наверное, мы лжесвидетельствуем (довольно часто). Наверное, мы завидуем (постоянно). И желаем чего-то постоянно – того, что нам не принадлежит, – в той или иной, иногда в рафинированной, форме (всё-таки интеллигенция всё делает как-то не так, как простые люди). Мы желаем очень часто в такой скрытой форме, что и не заметишь.

Мы лжесвидетельствуем – сплетнями. Любой лишний телефонный разговор, суждение о ком-то – всё-таки уже лжесвидетельство. И каждый это понимает.

Мы, конечно, что-то крадём, по мелочам: карандаши, книги, мелкие долги не возвращаем. Мы крадём чужие мысли. Мы крадём время у наших близких, если мы врачи – у наших пациентов, если учителя – у наших учеников. В общем, заповедь «не кради» относится не только к краже какой-то вещи, но и к чему-то другому.

С другой стороны, есть две заповеди, шестая и седьмая, про которые можно сказать, что мы их, как правило, не нарушаем. Я ду-

* Печатается в сокращении.

маю, что здесь нет ни одного убийцы – мы же не убиваем в буквальном смысле этого слова. Ну, обижаем, конечно, людей, оскорбляем, задеваем, но всё-таки это называть убийством невозможно. И в большинстве своем люди всё-таки не нарушают супружескую верность – это тоже довольно редкий грех, если говорить о нём очень буквально. А ведь в Нагорной проповеди Спаситель избирает именно эти две заповеди, Он об остальных не говорит. И не говорит только по одной причине – потому, что ясно совершенно: *мы их все нарушаем*.

У нас есть какие-то другие боги, кроме Бога Единого: когда-то нашим богом становится здоровье, когда-то работа, когда-то дети, когда-то деньги, когда-то искусство, когда-то ещё что-то. В общем, каких только видов идолослужения мы не перепробовали! Всё это было в жизни каждого.

А раз были любые виды идолослужения, значит, были и любые виды кумиротворения тоже. Что только мы не превращали в наших кумиров...

То, что мы произносим имя Божье всуе, ясно. Что этого нельзя делать, знает каждый и, тем не менее, каждый это делает, нарушая третью заповедь.

То, что мы нарушаем заповедь о субботе, тоже понятно. Мы не помним дня Господа даже не в том смысле, что не всегда бываем на воскресной обедне, а в том, что действительно не умеем посвятить Богу день, который Ему принадлежит. Даже если идём в церковь, мы не отдаём сердце Богу; мы могли бы какие-то вещи полезные делать в этот день, но не делаем. Мы бездельничаем – не умеем шесть дней работать. Дня два работаем, а остальные... Там ведь сказано не только «помни день субботний», но и «шесть дней работай». А мы и так, и эдак четвертую заповедь нарушаем.

Пятая заповедь – «почитай отца твоего и мать твою» – самая трудная. А мы, конечно, постоянно её нарушаем: в одни периоды жизни просто безобразно, в другие периоды – в скрытой форме.

Что касается шестой и седьмой заповедей, то в большинстве своём мы действительно не убиваем и не прелюбодействуем. И вот тут Христос показывает, что *поведенчески* выполнять заповедь – это ничего не даёт. Поведенчески мы не убиваем, но внутри убиваем, желая зла. Мы разрушаем мир вокруг нас, когда желаем друг другу зла, когда унижаем друг друга нашей нетерпимостью. Внутри нас есть что-то такое, что, если бы не какие-то сдерживающие рычаги, мы бы убивали. И внутри нас есть что-то такое, что приводило бы нас к нарушению седьмой заповеди, если бы у нас было больше времени и возможностей.

Значит, Господь показывает, что и в нарушении двух заповедей, о которых почти каждый из нас может сказать: «Ну, вот тут-то хотя бы я невиновен», – мы тоже виновны. Потому что внутри нас слишком много злобы, грязи и т.д.

Но бывает, что в какой-то момент заповедь перестаёт быть заповедью, – когда оказывается, что она уже не нужна. Я про себя могу сказать, что только одна заповедь в сравнительно недавнее время для меня полностью перестала существовать. Это как раз пятая заповедь – последняя в разговоре Христа с богатым юношей: «Почитай отца твоего и мать твою». Она просто мне уже не нужна. Был период, когда у меня и с папой были очень трудные отношения, и с матерью, когда эта заповедь работала в моей жизни, когда мне было трудно с ней. Я понимал, что здесь надо что-то сделать, надо расти, надо просить у Бога и мудрости, и силы, и терпения, и смирения. А теперь такой блаженный период, когда это уже не заповедь, а одно сплошное удовольствие. Другое дело, что маме уже так много лет и страшно, что в любой момент её жизнь может прекратиться...

В остальных же случаях заповедь останавливает, заставляет тебя задуматься и сказать: «Ну-ка, подожди, подожди...» Вот здесь уже с заповедью становится трудно, и надо просить мудрости чисто благодатной. Заповедь начинает *работать* в тот момент, когда по-

нимаешь, что с ней трудно. Для неверующих людей десять заповедей – это основа основ, вроде правил уличного движения. А для нас, для христиан, заповедь в какой-то момент оказывается проглоченным куском, который становится поперёк горла, – и уже не знаешь, что с ней делать. И вот тут приходит благодатная помощь: Господь даёт нам какие-то ответы и через молитву, и через духовную беседу, и через чтение духовной литературы, и через чей-то чужой опыт, и через наш собственный. Опыт показывает, что если мы выходим за пределы заповеди, то нас обязательно «собьёт машина». Ну, можно перебежать улицу, и не собьёт. Но на самом деле это почти исключено, если сделаешь так второй, или третий, или четвёртый раз.

Мы иногда очень буквально и поэтому очень неглубоко начинаем заповеди понимать. Попытаюсь сказать об этом деликатно. Подходят, например, ко мне мальчики и девочки от 17 до 20 лет и спрашивают по поводу седьмой заповеди, что можно и чего нельзя. Причём они такие милые, хорошие, они спрашивают совершенно невинно: «Вот можно целоваться, обниматься... А что ещё можно? А что нельзя?» Но за этим, казалось бы, таким наивным вопросом почти ребёнка стоит очень большая проблема. Потому что это поведенческое понимание заповедей, поверхностное понимание. А это же страшно! Потому что мы можем чисто законнически определить себе, до какой степени и что мы можем делать, а чего не можем. В сущности, Ветхий Завет на этом построен.

Где же начинается «нельзя»? На самом деле *очень рано*. Допустим, молодые люди говорят: «Мы в воскресенье венчаемся, но мы боимся, что у нас что-то такое будет до воскресенья». Я им отвечаю: «Если это на всю жизнь, если вы готовы, то это, в конце концов, уже не моё дело знать, что будет до воскресенья. Но если вы к этому *не* готовы, то и после воскресенья вас можно и трижды, и четырежды повенчать, и всё это будет нарушением седьмой заповеди. Потому что венчание, когда священ-

ник, руки воздевая, говорит: «Славой и честью венчаю», – это не есть справка о том, что теперь всё можно. Это что-то совсем другое».

А мы очень часто понимаем таинство венчания как справку о том, что теперь разрешены интимные отношения. На самом деле эта заповедь *гораздо более глубокая, гораздо более страшная, гораздо более пронзительная*, чем «разрешено» и «запрещено». И её нарушением может быть что-то незаметное. Это очень легко начинается, очень незаметно, потому что скрыто глубоко внутри. Ведь на самом деле в этой заповеди говорится не о чём-то поведенческом, а о *безусловной верности*, о безусловной преданности. В буквальном смысле – об *отданности людей друг другу, когда они должны друг друга и жалеть, и беречь, и опираться друг на друга*.

Я всегда говорю женихам и невестам во время венчания: «У вас должны быть три этажа в ваших отношениях. Вы должны быть братом и сестрой во Христе, вы должны любить друг друга и вы должны быть друзьями, которые помогают друг другу и жалеют друг друга. Если нет этих трёх этажей, то начинается беда».

У нас есть комментарий к седьмой заповеди в Нагорной проповеди. «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём». Но опять-таки очень просто истолковать эти слова Христа в поведенческом плане. Скажем, всякий, кто смотрит гадкие картинки и т.д., уже нарушитель этой заповеди. Да, мы понимаем, что не нужно их смотреть, это вредно, это плохо. Но здесь сказано гораздо глубже. Можно, наверное, перевести это на современный язык, заменив слово «женщина» на «существо другого пола». Значит, кто смотрит на существо другого пола, *желая что-то поиметь от него*, тот уже прелюбодействует с ним или с ней. То есть *когда в наши отношения входит что-то объектное*, когда мы смотрим на жену, мужа, невесту, жениха *как на объект*, как

на человека, которого можно использовать, тогда *из наших отношений уходит равенство*. Ведь что такое объект? Его можно использовать, всё равно как: заставлять стирать носки или бельё, писать диссертацию или ещё что-то, использовать в смысле материальном, денежном, психологическом... Использовать – значит попирает его или её чувства, его или её интересы и т.д. И вот этот момент использования Спаситель показывает нам как язву. Именно с этого *неравенства* в отношениях друг с другом начинается прелюбодеяние. Неравенство – это страшно, это всегда разрушение.

Я даже отговариваю пожилых людей венчаться, говорю: «Зачем вам это, если в таинстве брака все молитвы о чадородии? У вас ведь не будет детей». Греки не венчают пожилых супругов, а только берут у них на исповеди обещание верности друг другу. И после этого они во время Литургии вместе причащаются, а иногда священник служит Литургию для двоих. Мне даже кажется, что это гораздо большее таинство, чем венчание пожилых супругов.

Почему я боюсь таких венчаний? Потому что это иногда бывает просто церемония. Церемония, которая что-то разрешает. На самом деле там нет ни одной молитвы, разрешающей половую близость. Наоборот, Господь ставит нас в очень жёсткую ситуацию, напоминая, что мы не должны друг друга *использовать*. Поэтому, конечно, нельзя говорить, что католический подход (я имею в виду нерасторжимость брака), как всегда у людей Запада, грешит юридизмом. А суть-то проблемы не в юридической норме, она гораздо глубже. Суть – в верности, которую иногда у нас нет сил сохранять.

Вот почему в некоторых ситуациях люди должны держаться дальше друг от друга. У о. Александра Борисова есть замечательная фраза, которой часто удивляются: «Дистанция! Соблюдайте дистанцию». Порой дистанция просто необходима, чтобы не ввергнуть кого-то из дорогих, по-настоящему близких людей в бездну. И я не случайно скон-

центрировал мысли вокруг седьмой заповеди: только она напрямую связана с таинством брака.

Вообще, с точки зрения истории Церкви, таинство брака – это не совсем таинство. На самом деле это венчальная Литургия, там есть возглас: «Благословенно Царство..!» Значит, чин венчания – это как бы кусок молитвы, который имеет смысл только во время Литургии. Его вырвали и поместили из служебника в требник... О. Георгий Кочетков по своему прав, когда венчает только во время Литургии. Так же и с таинством священства: только во время Литургии имеет смысл рукополагать священника. Для чего его рукополагают? Для того чтобы он служил Литургию. А священник, который не служит Литургию, – это уже не совсем священник.

И точно так же супруги становятся перед алтарём, чтобы вместе причащаться, потому что иначе брак невозможен. Иначе выйдет то, о чём говорит Христос: использование одного другим в той или иной форме. У простых людей это очень просто. Он даёт деньги, она эти деньги тянет. Или наоборот: он куражится, командует, она обстирывает его, кормит. Когда тётка моя, покойница, жила в коммуналке, то там так и измерялось, хорошая жена или плохая: обстирывает и кормит или нет. Это типичный случай использования. Теперь молодые девочки решают по поводу своих мужей, хороший он или плохой: приносит деньги или не приносит. Это такое же вульгарное использование. Тут всё ясно, слава Богу. Но ведь у интеллигенции всё в такой рафинированной форме, что иногда и не ухватишь, не поймёшь, где начинается наше безобразие.

Но когда заповедь связывается с таинством, она в какой-то момент перерастает из запрета в потребность – вот так же, как я говорил про родителей. И очень важно, чтобы и остальные заповеди мало-помалу, одна за другой перерастали в потребность.

2 сентября 1995 г.

Окончание следует

Расшифровал аудиозапись
Владимир Грудский



Вера Возлинская

БЫТЬ СВЯЗНЫМИ

Служение помощи беженцам, переселенцам и местным в Тульской области

*Господь соединяет нас –
побеждая время и расстояние.*

Свящ. Георгий Чистяков

Те, к кому направлено наше служение, остаются невидимыми и неслышимыми для прихожан нашего храма. На полоторатонной «Газели» лишь немногие могут поехать на 2–3 дня в места, где ждут нас. Эти посёлки и сёла Одоевского района Тульской области с населением от 300 до 800 человек удалены от больших железнодорожных и автомагистралей и не имеют прямого сообщения с Тулой, Калугой, Москвой, где можно найти работу. Задача посланцев – соединить наш храм с населением мест, куда мы везём одежду, обувь, продукты – и Евангелие, свечи, иконы. А ещё передаём заботу прихожан о них и духовную силу, изливаемую на нас в храме и во время многолюдных, светоносных и звучных праздничных служб, и в безлюдной тишине, согретой мерцанием лампад и редких свечей. Ведь те, к кому мы едем, и теперь лишены Евангелий, икон, молитв (как мы до 90-х гг.). Лишены Литургий и церквей (они стоят в руинах или разрушены до основания). На весь район, как и в советское время, действует лишь одна церковь – в райцентре, в 15–20 км от жилья (доехать туда и обратно – 40–50 руб.). За крещение ребёнка или взрослого там берут 2500 руб., за отпевание усопшего – 4–5000.

Возвращаясь в Москву, в наш храм, мы передаём их благодарный отклик – поверх нужды, брошенности, обездоленности, в которой живут люди Тульской земли: и местные, и переселенцы, и беженцы. Там совсем негде работать, а выращенную картошку или надоенное молоко некому продать: все, у кого есть силы, сами что-то растят и держат хотя бы козу, чтобы прожить. Сред-

няя пенсия – 2500–3000 руб. при квартплате 1200–1500 руб. и месячной оплате газа, электричества, воды, дров до 5000 руб. Каждому школьнику ежегодно нужны новые учебники и пособия (это не менее 4–6000 руб). Обнаружив у школьника в классе прошлогодний учебник, комиссия Районо штрафует учителя. Мы сообщаем об этом, чтобы невидимые и незнанные стали видимыми, осязаемыми, чтобы храм услышал благодарность и надежду в прощальных словах провожающих нас в обратный путь: «Там, в вашей Москве, не забудьте о нас!»

Несколько лет назад из очередной поездки в Тульскую область мы вернулись накануне 14 ноября, когда храм наш празднует память свв. бессребреников Космы и Дамиана. Торжественная служба во главе со Святейшим Патриархом Алексием. Храм переполнен. Теснота ещё более сближает всех молящихся; сияние паникадил и жар свечей; красота молитвенных песнопений, мощные возгласы дьяконов, и среди всего – светлый облик Патриарха, его негромкий проникновенный голос, слово о ми-

лости живой... Великолепие службы захватывает всех молящихся в храме. Но это торжественное событие послано ещё и для того, чтобы вобрать его в душу и память и донести, передать тем, кто живёт на Тульской земле.. Не черпать в себя, и богатеть, и самоутверждаться, а, получив, сохранить, чтобы отдать.

Ведь всего этого никогда не переживали, не видели и, возможно, не увидят те, кого мы оставили накануне. Провожать нас пришли шесть человек, из них четверо – переселенцы: две учительницы из Казахстана, сельский библиотечкарь Татьяна из Грозного и 65-летний депутат сельсовета с Украины. Просили: «Не забудьте о нас!»

Да как же забыть?! Небольшое село, промёрзлая пустующая контора бывшего совхоза с уцелевшей горящей лампочкой; две длинные доски, уложенные на табуретки, – для стариков и детей. Остальные стоят весь день позади лавок, вдоль стен, громоздятся на подоконниках. Холодно раздавать (–9°), ещё холоднее ожидать: сидеть и стоять недвижимо. Дети греются двигаясь: выбегают на улицу и



вбегают, хлопая дверьми и добавляя холода с ледяным ветром. Кипяток, налитый из термоса, тут же стынет. Все помнят наш прошлый приезд два года назад, показывают потёртые брюки или утратившую цвет куртку: «Вы тогда дали». Как и в тот приезд, нам помогала раздавать вещи беженка из Грозного Татьяна, нефтяник-экономист. Десять лет назад за разрешение жить в блочном бараке и пользоваться землёй для огорода она пошла в доярки (с оплатой 200 руб. зимой и 1000 летом). Как прокормить двух детей и престарелых родителей? Освоила должность бригадира, потом зоотехника. Те-

день и деньги в оба конца, а ещё – платить за приём врача и лекарства. Здесь кричи не кричи – помочь некому. Но в тот раз помогли глазные капли, оказавшиеся у нас. Спустя несколько дней окалина вышла.



перь, после развала совхоза, она – библиотекарь села в неотапливаемом клубе, где долгую зиму и осень свои рабочие часы проводит без света, в полумраке, с костенеющими от холода руками и ногами. Ей бы валенки и доху! А мы привозим много блузок, коротких юбок и туфель на каблуках.

Как забыть её двадцатилетнего сына с рвущей болью в глазу из-за окалины, попавшей во время сварки, и нашу беспомощность? Он пришёл к концу дня, после работы, когда мы раздавали «мужское», забился в дальний угол комнаты – щуплый, взъерошенный, напряжённый, отвечал отрывисто и ушёл, не взяв ничего. В селе нет ни медпункта, ни аптеки. Лишь в райцентре, в 15 км – поликлиника, но окулиста нет и там. А на дворе ночь, и автобус будет только утром. Ехать придётся сначала до райцентра, потом на другом автобусе в Тулу, за 100 км – терять рабочий



Можем ли забыть тепло, которое обняло нас после промозглой ледяной конторы, когда мы очутились ночью в маленьком бревенчатом доме – сельской начальной школе из трёх комнат-классов, щедро натопленной для нас? То голубое «царство», где стены, столы и парты со тщанием выкрашены в небесно-голубой цвет двумя Ленами – учительницей (она же директор) и поварихой (она же истопник), а стены поверх голубизны расписаны белоснежными узорами, и на всех окнах – живые цветы...

Не бывает мест, о которых можно забыть. Раздавать и ночевать

за 10 лет служения приходилось в разных условиях. Раздавали и по щиколотку в воде от тающих сугробов, при 0°, под мокрыми хлопьями снега; и при –18°, посреди улицы; и в тесной пекарне у раскалённых печей, в окружении 12–13-летних девочек, ночных хлебопёков, единственных кормильцев семьи за 1000 руб. в месяц; и в окружении 700 молчаливых, шумно дышащих жующих коров. Там же, рядом с ними, и ночевали. Обычно принимают нас к себе на ночь не местные жители, а переселенцы (испытывавшие бездомность – открыты в помощи), деля с нами свой кров: то бывшую сельскую

баньку с тяжёлым сырým воздухом, низкими потолками, гниющими ножками шкафа, стола, стула и мокрицами на стенах; то фанерную столовую бывшего пионерлагеря, разделённую перегородками на множество тесно заселённых камер, из которых лишь одна, где все грелись и жила многодетная семья с новорождённой, отапливалась «батареей» в виде 20-литрового постоянно кипящего бидона. Нас устраивали, нам стелили, нас укрывали.

Расставаясь, мы везём в храм их заботу о нас, везём их ожидания, их надежду, чтоб мы «не забыли», – и передаём тем, кто собирает, приносит, чинит, разбирает, надписывает, упаковывает, перевязывает, переносит, грузит, везёт... И во всём происходящем – Его защита.

Другая особенность служения – в том, что выдача полутора тонн (т.е. 4–5000) вещей производится не одному человеку при закрытых дверях, а прилюдно, на глазах 70–120 пришедших. Уми-

ритель дух всех, когда внезапно обнаруживается вожденная кожаная куртка или дублёнка, можно только молитвой. Это наша главная опора: молитвы, многократно звучащие в продолжение двух дней раздачи. Тогда исчезают негодование, зависть, воинствующая жажда справедливости, отступают обиды. Приходят умиротворение и сочувствие друг другу, воцаряется тишина. Так и протекает раздача: не в ожесточении, а в Духе и Истине. И побеждает не алчность обладания, но радость великодушия. Во время общей молитвы люди отступаются от своих требований, и посреди тишины то здесь, то там звучат сочувствующие голоса: «Пусть он возьмёт, приоденется, у него совсем ничего нет».

Кульминация поездки и средоточие нашей связи с храмом – начало второго дня, утро воскресенья. Люди, чья жизнь от поколения к поколению была наполнена тяжёлым трудом и страданиями, люди, жестоко преследовавшиеся за веру и до сих пор лишённые церквей, – бережно и непривычно, впервые в своей жизни, принимают Евангелие в свои огрубевшие ладони (жесткие даже у 8–9-летних детей),

радуются, что могут взять не только себе, а и матери, неходячей соседке, внуку (когда подрастёт). Дети всех возрастов и их родители со старанием соединяют непослушные пальцы, чтобы перекреститься. Спрашива-

Мы сообщаем об этом, чтобы невидимые и неизвестные стали видимыми, ощутимыми, чтобы храм услышал благодарность и надежду в прощальных словах провожающих нас в обратный путь: «Там, в вашей Москве, не забудьте о нас!»

ют «Живые помощи» (90-й псалом), «Отче наш», молитву «от пожара», иконки Николая Угодника, «Казанскую», своего святого. Мужчины просят Христа в терновом венце, женщины – «Семистрельную Богородицу». Появляются и бабки: кто с одной палкой, а кто с двумя – взамен костылей, которых здесь не достать. Приходят не из-за вещей, а «чтобы послушать» и «хоть какую иконку спросить» – «на память». Они садятся рядом на переднюю лавку и замирают. Потом, расположившись сердцем и доверившись, соглашаются взять халат, платок, чулки. Взяв, шёпотом уточняют в сомнении: «А из пенсии вычитать не будете?» Все они знают «Отче наш», «Богородицу» и

главные пасхальные песнопения; привычно осеняют себя крестом, со вниманием слушают, хранят молчание и полны кроткого согласия. И звучит Слово Божие – литургическое чтение воскресного дня, и горит свеча на разостланной простыне пред самодельным иконостасом. Говорю: «Мы с вами не одни читаем. Именно эти слова читает сегодня наш настоятель в храме, в центре Москвы, при стечении многих людей, и эти же слова звучат сейчас во всех церквях православных. Собравшиеся в мёрзлой конторе или в полумраке клубного зала, мы не отделены от всех, не затеряны, не случайны здесь. Мы – неотъемлемая и необходимая часть Церкви, неразрывны с ней, пославшей нас к вам, кто до сих пор её лишен». Напряжённые вниманием лица, испытующие глаза. Люди впитывают Слово: оно открывается сердцам, которым знакомы боль и сострадание. И прощение.

Продолжение в следующем номере

Фото Н. Правоторовой и В. Палкина



МИССИЯ

Светлана Журавлёва

ВМЕСТЕ – ПЕРЕД ЛИЦОМ БОЖИИМ

Служение помощи беженцам, переселенцам и местным в Тульской области



28 –29 декабря 2010 г. группа из пяти человек, в которую входили прихожане храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине (члены общины «Осанна»), а также Мария Ключева, прихожанка храма Иконы Божией Матери «Скоропослушница» на Ходынском поле, совершила миссионерскую поездку в Нижний Новгород. Целью поездки было посещение Нижегородской женской колонии, в которой сегодня находятся 1540 женщин.

С этой колонией у нас существуют давние дружеские связи. Впервые мы побывали там с миссионерской поездкой в январе 2001 г. У нас сложились хорошие отношения с руководством колонии, вот и сейчас к нам была проявлена заинтере



«учителей» и «учеников», «нас» и «их», – все вместе мы были перед лицом Божиим как Его возлюбленные дети.

Единственное, чем мы могли поделиться, – это свидетельство о радости жизни со

сованность и оказали нам внимание, несмотря на предновогоднюю суету.

Первый день начался с Литургии в храме, посвящённом преп. Марии Египетской, который был построен в 2006 г. на территории колонии. Литургию служил о. Евгений Панюшкин, наш давний добрый друг, с которым мы знакомы с конца 1997 г., когда он ещё был алтарником в храме г. Ардатова. С тех самых пор о. Евгений занимается тюремным служением в Нижегородской области.

В тот же день состоялась встреча в клубе колонии, на которую пришли все желающие из числа заключённых женщин. Встреча началась с рассказа о празднике Рождества; рассказ плавно перешёл в диалог со слушателями – сначала женщины задавали вопросы с мест, и, соответственно, вопросы были общего характера. Потом мы раздали желающим листки бумаги и ручки, чтобы наши слушатели могли задать вопросы письменно. Вопросы были самые разнообразные, от вполне общих, например: «Можно ли обращаться к Богу своими словами?», до очень личных: «Если мой отец не верит в Бога, буду ли я за это страдать, за этот его грех?».

Большинство из этих вопросов (если не считать описания конкретных жизненных ситуаций), в общем-то, волнуют каждого человека, вне зависимости от того, где он находится и каковы на сегодня его жизненные обстоятельства. «Правда ли, что Бог создал нашу судьбу и что мы сами изменить её не можем?», «Как научиться жить праведно? Как слышать голос Господа?», «Как обрести смысл жизни?».

Вопросы о смысле и цели жизни, о добре и зле, о любви и ненависти – все мы задаём их себе в разные моменты, ищем на них ответы, и порой от найденных ответов зависит то, какой будет наша жизнь. И именно этот совместный поиск ответов на непростые вопросы помог создать то общее пространство в небольшом зале, где не было

Христом, о радости Рождества, когда Всемогущий Бог становится Человеком, приходит в этот мир как беззащитный Младенец, чтобы войти во все трудности земной жизни и в самую смерть – и победить её.

Об этом – о событиях Рождества, о Младенце, лежащем в яслях на соломе, о Матери Божией, о пастухах и волхвах – пелось в рождественских колядках, которые завершили встречу второго дня.

Вечером же первого дня у нас состоялась небольшая встреча с обитательницами колонии-поселения при Нижегородской женской колонии. В чём-то режим в колонии-поселении менее строгий, но при этом для неё есть свои ограничения: так, из-за особенностей расположения колонии-поселения её обитательницы не имеют возможности посещать храм. К счастью, на этой встрече присутствовал о. Евгений, который обещал помочь с организацией визитов священника в колонию-поселение.

В конце каждой встречи мы дарили всем желающим маленькие бумажные иконки, распечатки с текстами основных христианских молитв; у нас с собой было также несколько маленьких Евангелий и более крупных Библий, которые тоже нашли своих новых хозяев (одна из Библий была подарена библиотеке колонии-поселения). В качестве праздничного подарка обитательницам колонии мы смогли купить 1500 шо-



коладок – особая благодарность прихожанам обоих наших храмов¹ и всем, кто вносил пожертвования на эту миссию.

Прекрасным завершением нашей миссионерской поездки стала небольшая экскурсия по Нижнему Новгороду, любезно устроенная для нашей группы о. Евгением, вернее, даже не экскурсия, а маленькое паломничество: мы посетили кафедральный собор в честь святого благоверного князя Александра Невского, Благовещенский монастырь и храм в честь Собора Пресвятой Богородицы, в котором служит о. Евгений.

На протяжении всей поездки нас не покидало ощущение присутствия Божия, Его поддержки во всём: в нашем общении в колонии, а также в наших отношениях друг с другом внутри группы. То, что за столь короткое время совершенно разные люди стали не просто «рабочей группой» или даже командой, но настоящей частичкой Церкви, можно воспринимать как Божье чудо и Его подарок.



¹ Приход храма иконы Божией Матери «Скоропослушница» пожертвовал 20 000 рублей.

РАЗМЫШЛЕНИЯ



Наш приход – организм растущий: он непрерывно пополняется новыми членами. Быть может, поначалу что-то в нашей жизни кажется им непривычным и непонятным. Например, не во всех приходах существуют «малые группы», в которые люди объединяются для совместной молитвы, чтения Евангелия, взаимопомощи и служения ближним. Сложилась у нас и традиция духовных встреч, когда предложенные всей общине темы обсуждаются затем в малых группах.

Примером таких размышлений может послужить осенняя встреча прихода в посёлке Семхоз (материал о ней см. в Приходской газете №68). А небольшая заметка А. Лошина (группа кормления бездомных) даёт представление о круге вопросов, над которыми размышляла одна из малых групп

Алексей Лошин

Мы выбираем, нас выбирают

Случилось так, что к осенней встрече прихода 2010 г. было заготовлено четырнадцать тем, но по какой-то причине одну из них затронуть не удалось. Может быть, кто-то и расстроился, но, думаю, большинство обрадовалось символизму числа тринадцать. На выездной встрече группы кормления, которая прошла с 27 по 29 ноября 2010 г. в посёлке Семхоз, в Доме прихода, эта упущенная тема – тема выбора – стала главной.

Мы постоянно реализуем какой-то выбор. И Бога невозможно выбрать один раз и навсегда. Ну не бывает так! Как говорил о. А. Мень, «христианство похоже не на печку тёплую, а на ядерный реактор». Мы выбираем чаще, чем об этом задумываемся. А часто ли мы об этом задумываемся? Всегда ли взвешен наш выбор? Да и наш ли это выбор? Вот об этом мы и говорили.

Речь шла и об избранничестве. Верим ли мы в своё избранничество? Как мы вообще приходим к вере? Откуда берётся эта жажда Бога? Что такое избранничество, как мы его понимаем? Христианин, безусловно, об этом задумывается, но как важно этими мыслями делиться! Опыт личный становится общим, и этот общий опыт двигает каждого в сторону истины. Вот кто-то говорит: «Бог меня избрал». Хорошо. Другой тут же спрашивает: «А кого Бог не избрал? И почему кто-то верит в своё избранничество, а кто-то не верит?»

Иногда для того, чтобы сделать правильный выбор, не хватает времени, иногда – смелости, иногда – опыта. Но это ещё не самое страшное. Замечательно сказал К. Лью-

ис: «Есть только два типа людей – те, кто говорит Богу: “Да будет воля Твоя”, и те, кому Бог говорит: “Да будет твоя воля”». Важна устремлённость услышать волю Бога, желание понять её. Хотя нехватка времени, наша суета – тоже выбор. Осознанный или нет, но показывающий глубину наших взаимоотношений с Богом.

Ещё один аспект выбора – «каналы» общения с Богом, желание их развивать, способы раз-





вития. А почему бы кормление бездомных не назвать одним из таких способов? Как нужно кормление приходящим в храм людям, так нужно оно и нам, участвую-

щим в его проведении. Мы тоже нуждаемся в организации себя, в настройке на внимание к этим людям, на работу сердца, а не только рук и головы; у нас есть возможность честнее взглянуть на себя, на свои взаимоотношения с людьми и Богом. От нас зависит создание атмосферы присутствия на трапезе в доме Господнем. И она, эта атмосфера, выходит за пределы храма с нами и с теми, кто участвует в трапезе.

А ещё на нашей встрече мы посмотрели фильм о служении группы кормления десятилетней давности. Кто-то уже не с нами, кто-то «помолодел лет на десять»; кто-то отметил неустроенность тогдашнего нашего быта, кто-то увидел знакомого бездомного. Все заметили, что многое

поменялось. Облик служения меняется не каждые десять лет, не каждый год – он меняется каждое кормление, потому что меняемся мы. Меняемся в результате выбора. Порой неосознанного, порой взвешенного. И слава Богу!



Фото Д. Мурашова



Лидия Маянц

Господь – Пастырь мой



*Господь – Пастырь мой;
Я ни в чём не буду нуждаться:
Он покоит меня на злачных пажитях
И водит меня к водам тихим,
Подкрепляет душу мою,
Направляет меня на стези правды
Ради имени Своего (Пс 22:1-3).*

Что может быть прекраснее, чем странствовать по белу свету, открывая для себя новые места, встречаясь с новыми людьми? А уж если твоим Проводником, Учителем и Другом становится Господь, странствие приобретает совершенно особый характер. Иной раз оно похоже на притчу, иной раз – на сказку...

Главное – довериться Ему и ни о чём не заботиться. Тогда каждый новый поворот пути, каждая новая встреча откроют что-то необычайно важное и в тебе самом, и в окружающем мире, и, самое главное, – в познании Божьей воли, Божественного промысла.

Никаких подпорок, никаких костылей, никаких шаблонов: каждую минуту – всё новое. Лишь ты и Господь: в красоте созданного Им мира, в молитве и Священном Писании, в лицах и сердцах встретившихся людей, в твоём собственном сердце. И тогда отрезок времени в двадцать дней станет проекцией самого главного странствия нашей жизни – странствия в Небесную Отчизну, окажется той школой, тем полигоном, где Господь обучает, воспитывает и испытывает нас: читаешь Слово Божье – исполняй;

доверяешь Богу – иди вперёд и не оглядывайся; извлекай уроки из каждого события, каждой встречи.

Сколько людей, ещё не нашедших себя, не достигших Истины, блуждающих в потёмках ложных учений! Но в каждом из них – образ Божий. Чтобы разглядеть его, нужно абстрагироваться от внешней стороны и учиться видеть суть, то, что внутри. А для этого нужно прежде всего изменить своё собственное сердце, открыть в себе иной, Божий взгляд. Разумеется, это можно сделать только с Его помощью. И, если это удастся, все люди вокруг станут твоими ближними, твоими братьями и сёстрами. А Господь через эти, казалось бы, случайные встречи совершит что-то важное в каждом сердце, в каждой жизни. Он сделает это Сам. От нас здесь требуется лишь простота, искренность, сердечность, открытость.

Конечно, при этом необходима постоянная молитва, отдавание себя целиком и полностью в руки Божии. Он во всём поможет, защитит, вразумит.

Как изумительно открывается в таких поездках-странствиях Псалтирь! Псалмы входят в сердце, поддерживают, укрепляют, поучают: «Господь – крепость моя», «Господь – сила моя», «Господь – щит мой», «Господь – спасение моё», «Господь – Пастырь мой»... И в самом деле, я совершаю свой путь вместе с Ним: Он впереди меня – и Он рядом со мной; Он и во мне, и вокруг меня. Он всегда и повсюду со мной, мой Пастырь – Господь!..

Слава Тебе, Господи, за Твою бесконечную любовь, за Твоё водительство, за все Твои научения! Благослови помнить их и стараться реализовать в своей жизни.



15 МАРТА – празднование иконы Божией Матери, именуемой «Державная»*Ирина Языкова*

Является ли Державная икона Божией Матери покровительницей монархии?

Державная икона Божией Матери явилась в России в самые смутные для страны времена – 2 марта 1917 г., в день отречения от престола императора Николая II. В связи с этим принято считать, что эта икона – покровительница монархии. Так ли это? Рассмотрим внимательно её историю.

Явление иконы произошло при необычных обстоятельствах. Крестьянке Евдокии Андриановой, которая жила в деревне Перерва, приснился сон. Таинственный голос говорил ей: «Есть в селе Коломенском большая чёрная икона; найди её, она сделается красной, и пусть перед ней молятся». Евдокия была женщиной набожной и, проснувшись, стала молиться, чтобы получить разъяснение воли Божией. И ей вновь снится сон: она видит белый храм, похожий на церковь в Коломенском, а в нём восседает на престоле Мать Божия, Царица Небесная. Евдокия отправилась в Коломенское, чтобы рассказать о своих сновидениях священнику. В то время настоятелем церкви Вознесения был о. Николай Лихачёв. Внимательно выслушав женщину, о. Николай вместе с Евдокией осмотрел все старинные иконы Богоматери, находящиеся в храме и на иконостасе. Но ни в одной из них Евдокия Андрианова не обнаружила сходства с образом из своего сновидения. Затем о. Николай осмотрел колокольню, лестницу, чуланы, церковный подвал. И в подвале, в пыли, среди старых досок, тряпок и рухляди была наконец найдена большая чёрная икона.



После того как икону очистили от пыли, все присутствующие в храме увидели изображение Божией Матери как Царицы Небесной; на коленях у Неё находился благословляющий Бого-младенец. Евдокия Андрианова подтвердила, что именно такой образ она видела во сне. Перед образом Пречистой о. Николай отслужил молебен.

Божия Мать изображена восседающей на троне в царской порфире, с короной на голове, со скипетром и державой в руках, и потому икону стали именовать «Державная». Явление иконы совпало с днём отречения Николая II от престола, и священнику был открыт смысл этого явления: упавшую с головы государя корону подняла Богородица, отныне именно Она будет царствовать в России.

Весть о чудесной иконе быстро распространилась по Москве, а потом и по всей России. Начались массовые паломничества в Коломенское, к иконе, которые сопровождались чудесами исцеления телесных и душевных недугов. Икону стали возить по окрестным храмам, фабрикам и заводам, оставляя её в Вознесенской церкви только на воскресные и праздничные дни. Известно, что икона побывала и в Марфо-Мариинской обители, где её торжественно встречала настоятельница, великая княгиня Елизавета Фёдоровна с сёстрами. Скоро почти в каждом храме появился список с «Державной»; были составлены служба и акафист, в работе над которыми принимал участие Патриарх Тихон.

После революции, в годы жестокого гонения на Церковь, через эту икону Господь и Божия Мать не переставали изливать чудеса, укрепляя и утешая верующих. Известен случай, когда ходатайством Божией Матери в день празднования «Державной» в 1925 г. был освобождён из тюрьмы настоятель храма Свт. Николая в Плотниках прот. Владимир Воробьёв, очень почитавший «Державную» и по воскресеньям часто ходивший со своим хором и прихожанами в Коломенское служить ей акафист.

Образ «Державной» иконы поддерживал верующих в самые трудные годы. Об этом свидетельствует стихотворение С. Бехтеева, написанное в 1934 г.



*Перед Твоей Державною иконой
Стою я, трепетом молитвенным
объят,
И Лик Твой царственный, увенчанный
короной,
Влечёт к Себе мой умилённый взгляд.
В годину смут и трусости
бесславной,
Измены, лжи, неверия и зла,
Ты нам явила образ Твой Державный,
Ты к нам пришла и кротко прорекла:
«Сама взяла Я скипетр и державу,
Сама Я их вручу опять Царю,
Дам царству русскому величие и
славу,
Всех окормлю, утешу, примирю».
Покайся ж, Русь, злосчастная
блудница...
Омой в слезах свой осквернённый
стыд,
Твоя Заступница, Небесная Царица,
Тебя и грешную жалеет и хранит.*

Но история этой иконы связана с важными событиями российской истории и до её чудесного явления в Коломенском, и это также имеет непосредственное отношение к монархии в России. По записям в церковных книгах было установлено, что прежде икона принадлежала Вознесенскому женскому монастырю в Москве и в числе других святых была передана на хранение в Вознесенскую церковь села Коломенского в 1812 г., перед нашествием Наполеона. Но почему же святые не были возвращены в монастырь после победы?

Как все хорошо помнят, памятником победы русского народа в Отечественной войне должен был стать храм Христа Спасителя, построенный на народные деньги. Во всероссийском конкурсе победил весьма оригинальный по замыслу и грандиозный по масштабам проект архитектора

А. Витберга. Храм должны были воздвигнуть на Воробьёвых горах. Но, едва началось строительство, А. Витберг был обвинён в растрате и сослан в провинцию. (Кстати, там он проявил себя как блестящий архитектор, построил ряд замечательных сооружений, в частности, Николо-Черноостровский монастырь.) Строительство храма Христа Спасителя было приостановлено на неопределённый срок. Вернулись к нему десятилетия спустя: при Николае I был объявлен новый конкурс, и в нём победил проект придворного архитектора К. Тона.

Для строительства выбрали другое место – на берегу Москвы-реки, недалеко от Кремля. Этот район в древности назы-

в XIV в. митрополитом Алексием для своей сестры. Монастырь мешал строительству, его было решено снести, а насельниц перевести на новое место, в Красное Село. Однако сёстры обители ни за что не хотели покидать своего места, где молились в течение пяти веков, и долго сопротивлялись. Игуменья даже приковала себя к ограде монастыря цепью, а когда её увозили силой, кричала: «Проклинаю вас! Быть этому месту пусту!» В 1839 г. храм был заложен, строился он 44 года, в 1883 г. был освящён. Но проклятие игуменьи трагически сбылось через сто лет: в 1931 г. большевики взорвали храм, и более полувека на его месте действительно была пустота – яма с водой, именуемая бассейном «Москва».

В ходе всех драматических событий как-то забылось, что древние иконы Чертольского монастыря так и остались в Коломенском. И вот одна из этих икон была обнаружена, а вернее, явлена в 1917 г., когда российской монархии пришлось платить по счетам. И в этот момент Матерь Божия показала, что истинные ценности России не во власти, богатстве и силе, но в любви, милосердии и святости. Если потеряна связь с небесной державой, земная не устоит. Так что, празднуя память «Державной» иконы Божией Матери, стоит задуматься об истинном



вался Чертолье (здесь проходила когда-то граница города, по-древнерусски «черта»). Но на этом месте тогда стоял женский Алексеевский Вознесенский монастырь, основанный ещё

значении событий нашей истории и тех знаков, которые посылаются свыше, чтобы на земных перепутьях нам не сбиться с дороги в Царство Небесное.



Прот. Александр Борисов

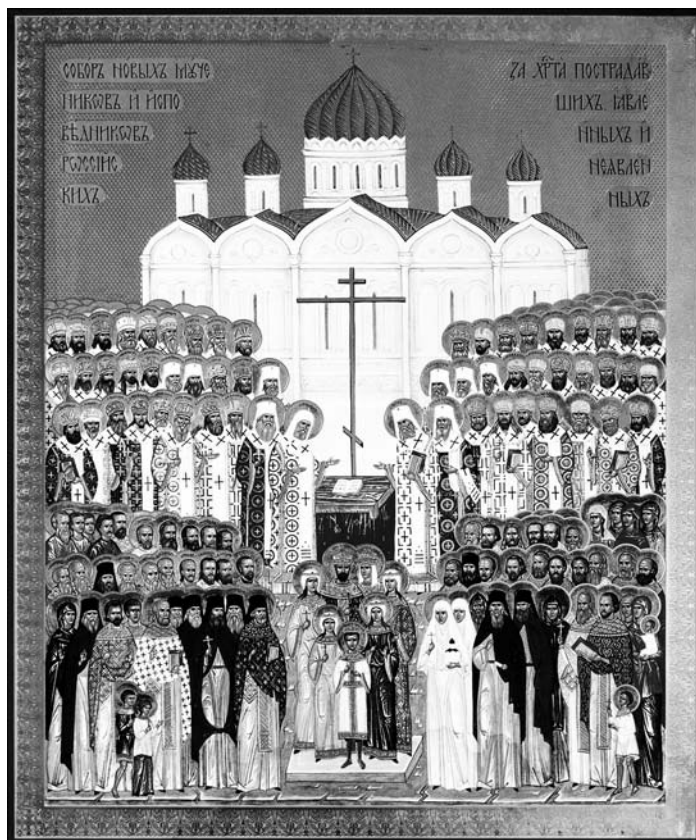
Слово о пострадавших в годину гонений за веру Христову

13 февраля Русская Православная Церковь празднует Собор новомучеников и исповедников Российских, молитвенно поминая в этот день всех усопших, пострадавших в годину гонений за веру Христову

...Царствие Небесное, вечный покой всем zde ныне поминаемым, всем усопшим, пострадавшим в годину гонений за веру Христову, всем от безбожной власти невинно убиенным. Господь да упокоит их в Своих вечных обителях и с праведными сопричтет, а нас помилует, яко Благ и Человеколюбец.

Те люди, о которых мы молились сейчас, – это десятки миллионов невинно убиенных. По разным оценкам, от 20 до 60 миллионов жертв принёс грандиозный исторический эксперимент – устроиться на земле без Бога. Поэтому нам так важно ценить веру в Бога, понимать, что Господь действительно Спаситель и все другие пути спасения, которые объявлялись, объявляются или будут объявляться, – это ложь. Господь сказал, что это всё воры, которые приходят, чтобы украсть, убить и погубить. И поэтому мы с вами должны сейчас, в переходный период России от тоталитарного советского режима к нормальному государству, молиться о том, чтобы вера в Христа Спасителя действительно овладела если не большинством, то, по крайней мере, какой-то определённой критической массой нашей страны, нашего народа, чтобы действительно избрать этот путь, избрать соответствующий способ правления.

Иногда людям кажется, что только монархия соответствует православию. Это неправда. Если мы почитаем Священное Писание, то увидим, что избрание царя в Ветхом Завете было уступкой языческим настроениям израильского народа. На самом деле демократия – это единственный вид правления жизнью сообщества, который встречается только у человека. Тоталитарные режимы, вожжи, лидеры есть и во всех сообществах млекопитающих, а демократия – это единственное, характерное для человека, так же как искусство, религия, наука. Только в человеческом обществе мы встречаем этот тип правления. Но, конечно, демократия невозможна без соблюдения законов, без соответствующей нравственности. Никакие самые лучшие законы ничего не дадут, если их соблюдать не будут. Поэтому мы сейчас пожинаем пока такие печальные плоды, но будем себя поддерживать тем, что это лишь переход-



ный период и во многом от нас с вами зависит, куда он поведёт. Чтобы мы пошли не по пути Египта и Туниса, а по пути тех развитых стран, которые находят путь законности, путь уважения человека, путь к тому, чтобы и вера наша была не тоталитарной, а гуманистической, чтобы главным был всё-таки человек – и в Церкви, и в государстве.

У меня вызывают симпатию именно те, кто говорит, что хорошо не то государство, которое могущественно, обширно, обладает властью, атомной бомбой и прочее, а то, где хорошо живётся людям. Потому что цель государства – человек. А не наоборот, когда целью становится могущество, завоевания, человек же становится средством, которое используют как расходный материал, не считая голов.

Давайте об этом молиться и это утверждать в нашей с вами жизни.

13 февраля 2011 г.



Елизавета Шик

Священномученик Герман (Ряшенцев), епископ Вязниковский*



Будущий епископ Герман родился 10 ноября 1883 г. в Тамбове в многодетной купеческой семье. При крещении он получил имя Николай. Семья была православная, очень музыкальная; почти все дети получили высшее образование. Окончив в 1902 г. гимназию, Николай поступает в Казанскую Духовную академию, которую уже закончил старший брат (теперь иером. Варлаам). Он активно участвует в работе студенческого кружка, в программу которого входят религиозно-нравственные чтения, катехизаторские беседы и др. На третьем курсе (в 1905 г.) Николай принимает монашеский постриг с именем Герман – в честь свт. Германа Казанского. В 1906 г. он заканчивает академию и принимает священнический сан.

Иером. Германа назначают в Псковскую семинарию преподавателем Священного Писания. Он включается в работу Кирилло-Мефодиевского братства, чья цель – «оживление и возрождение церковноприходской жизни», борьба с пьянством, духовное просвещение народа. Братство создаёт народные библиотеки при церквях, организует беседы для мирян, чтение и объяснение Евангелия, житий святых. Через два года о. Германа избирают председателем братства. К этому времени он уже инспектор семинарии. Обстановка в ней сложная: сказываются кризис духовного образо-

вания и общий революционный дух. Семинаристы устраивают забастовки, бойкотируют экзамены, протестуют против длинных церковных служб, случаются и выпивки с битьём стёкол. Как инспектор о. Герман умеет сочетать требовательность с дружелюбным отношением к учащимся.

В 1910 г. иером. Германа переводят на ту же должность в Вифанскую семинарию близ Сергиева Посада. Он старается укрепить дисциплину, «всегда опрятен, даже наряжен, строг к воспитанникам и к себе», – вспоминает духовная дочь о. Серафима (Звездинского) Анна Патрикеева. В 1912 г. иером. Германа возводят в сан архимандрита, назначают ректором Вифанской семинарии. Деятельность его вначале встретила неодобрение воспитанников – его сочли «карьеристом», однако в 1917 г. группа выпускников прислала ему благодарственное письмо, отмечая его «искренний и добрый характер... любовь к юношеству и заботу о нём».

Первая мировая война не оставляет архиеп. Германа в стороне: во время каникул в 1915 г. он прикомандирован к могилёвской «военно-местной церкви», а в 1917 г. служит священником в действующей армии.

В 1916 или 1917 г. он знакомится с жившими в Сергиевом Посаде Верховцевыми – Верой Тимофеевной (в прошлом – духовной дочерью о. Иоанна Кронштадтского) и её дочерью Натальей Александровной. Они известны тем, что в их доме в 1923–28 гг. нашёл последний приют схииеромонах Зосимовой пустыни о. Алексий, ныне прославленный как преп. Алексий Зосимовский. Дружба о. Германа с Верховцевыми и переписка

с ними продолжались до конца его жизни, и благодаря сохранившимся В. Т. и Н. А. письмам мы можем представить себе его многотрудную жизнь. Письма, написанные даже в самые тяжёлые дни, полны самоиронии и юмора, в них почти не слышно жалоб. Конспирируясь или просто шутя, он часто называет себя Колей или Масей (своим детским именем).

До закрытия семинарии (в 1918 г.) архим. Герман остаётся её ректором, затем находит приют в Свято-Даниловом монастыре. Настоятель монастыря в это время – еп. Феодор (Поздеевский), знавший семью Ряшенцевых с нач. 1900-х гг., когда он был ректором Тамбовской Духовной семинарии, а ещё раньше учился в Казанской Духовной академии со старшим братом о. Германа. Вероятно, к этому времени относится начало окормления его у прот. Алексия Мечёва (ныне прославленного в лике святых).

В 1919 г., в праздник Воздвижения Креста Господня, совершается хиротония архим. Германа во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. В этот «самый торжественный час своей жизни» он дал обещание «среди волков остаться кротким агнцем, и среди хищных – Его чистым голубем». Еп. Герман поселяется в Иосифо-Волоколамском монастыре, теперь – «артели» (так пытались уцелеть в годы гонений многие закрытые монастыри.) Но дух здесь уже не монастырский, руководство выборное. В выборах участвуют «и товарищи, и бабы, и монахи», процветают доносы. Новый епископ не стал наводить свои порядки в «артели». Он много ездит по деревням, стремится оживить приходскую жизнь,

* Доклад был сделан в мае 2009 г. на приходской встрече. Печатается в сокращении. В нём использованы материалы из кн.: Письма владыки Германа / Сост. и ред. А. Воробьёва. – Изд. Православного Свято-Тихоновского богословского института. – М.: 2004. – 301 с. Очень рекомендую эту книгу всем, интересующимся историей нашей Церкви в годы гонений.

настаивает на преподавании при храмах Закона Божия, обязывает священников произносить проповеди. Это вызывает раздражение властей. В ответ на протест владыки против запрещения крестных ходов в декабре 1920 г. уездный комитет партии выносит постановление о том, что еп. Герман «как агент патриарха Тихона... является активной силой, деморализуя всё духовенство Волоколамского, Рузского и Можайского уездов», и «просит секретно-оперативный отдел В.Ч.К. перевести епископа Германа в концентрационный лагерь – до полной победы трудящихся».

В феврале 1921 г. вл. Герман арестован и заключён в Бутырскую тюрьму. Здесь находится и митр. Сергей (Страгородский). Здесь же встречается с вл. Германом (на исповеди) моя мама – Н. Д. Шаховская-Шик. Встреча с ним стала решающей для её духовной жизни, запомнилась и ему. В 1930 г. он пишет: «Это действительно одна из тех встреч (одна обстановка чего стоит), когда из таинственных недр беспредельности встретились около Него два дотоле незнакомых друг другу человека и стали родными».

Тем временем прихожане волоколамских храмов пишут в разные инстанции письма с «энергичным протестом» и «глубоким возмущением» действиями властей и просят освободить их епископа. В апреле 1921 г. владыку освобождают под подписку о невыезде из Москвы. Он снова в Даниловом монастыре. В ноябре объявлена амнистия (в связи с годовщиной Октябрьской революции), ему разрешают вернуться на кафедру в Волоколамск.

Новый арест вл. Германа произошёл в июле 1922 г., и, возможно, был связан с кампанией по изъятию церковных ценностей, сопровождавшейся репрессиями против священнослужителей. В тюрьме владыка пробыл год. Перед отправкой в Сибирь он пишет Верховцевым «о месте, где решил жить Коля»: «Я лично уверен, что путешествие принесёт ему пользу». Едет он под конвоем, но в том же поезде едет его духовная дочь –

послушница Татьяна Харламова из Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря (с. Акатово под Волоколамском), посланная игуменьей Олимпиадой в помощь владыке. Место назначения – большое сибирское село Самарово.

Наконец они на месте. «Радость наполнила душу, когда мы вышли на берег, увидели перед собой могучий Иртыш... горный кряж, покрытый... хвойным лесом...



Еп. Волоколамский Феодор (Поздеевский), иером. Герасим (Садковский), архим. Герман (Ряшенцев). Сергиев-Посад. 1916 г.

Со всем только пережитым был такой резкий контраст, а для меня была такая близкая душе моей красота природы, что без слов молилась душа Богу и благодарила Его за посланный отдых» (13/26.IX.1923). Ещё одна радость – в Самарове есть действующий храм. Радует владыка и тому, что «привели здешнего новостильного (обновленческого. – Е. Ш.) батюшку... в единомыслие». Вначале вл. Герман служит «попросту», а затем сам делает архиерейский посох и (с помощью Тани) митру и служит уже архиерейским чином. Но «верующие... к храму очень холодны, хотя любят заказывать литургии об усопших в дни их Ангела (на которых сами отсутствуют)... и к служению у них заезжего архиерея совершенно равнодушны». Однако это равнодушие постепенно побеждается. Когда пришлось отпевать од-

ного местного жителя, владыка с одним мальчиком пели и «...трогательный отпевальный обряд выполнили во всей его волнующей красоте... кажется, местные жители впервые созерцали эту красоту».

Досуг владыка заполняет обширной перепиской, живо откликается на происходящее «на воле» (аресты близких ему людей, закрытие храмов и пр.): «Какое счастье... быть хоть отчасти участником тех язв, какими все исцелены... Блажен тот, кто не ошибётся в распознавании незримой сути того, что действительно есть добро и жизнь и что действительно есть зло и смерть». И ещё: «...логика христианской правды должна каждому из нас говорить: стало меньше храмов – сам будь... храмом Бога; стал неудобен вход ко многим святыням – сам стань этой святыней и живой иконой; не стало много внешнего... влияющего на... младенцев ещё в вере – дай им... теплоту искренней и нерассеянной молитвы и высшее изящество веры: простоту и глубину благоговения и смирения». На тревоги близких о происходящих событиях он отзывается так: «...очень много совершенно ненужных... и малоспасительных страданий наших, и в частности моих, проистекают от того, что мы... плачем над щепками от леса вместо того, чтобы заставить мысль работать над тем, как и из них строить всё то, на что прежде шли целые деревья».

Видимо, успехи вл. Германа в оживлении церковной жизни села не остаются незамеченными: в конце 1924 г. владыку переводят подальше от «освоенного» места, сначала в русское село в 150 км от Самарова, а затем в остояцкую деревню Чучелинские Юрты. Приезжать к нему запрещено. В этом «затворе» он находится до освобождения.

В сентябре 1925 г. владыка наконец в Москве. Изредка он служит в московских храмах, в Свято-Даниловом монастыре вместе с другими оказавшимися «не у дел» архиереями. Но в ночь на 1 декабря – новый арест, на этот раз по «делу митрополита Петра», ставшего патриаршим

местоблюстителем после смерти Патриарха Тихона и арестованного раньше. По тому же делу в ту же ночь арестован и мой отец М. В. Шик, недавно рукоположенный в сан дьякона митр. Петром. Всего по этому делу было арестовано около тридцати священнослужителей и мирян.

С Михаилом Владимировичем – о. Михаилом вл. Герман один или два раза служил вместе в храмах Сергиева Посада. В тюрьме они, видимо, не встретились, но вынесенный в июне 1926 г. приговор был общий: два года ссылки в Среднюю Азию. Оба вспоминают, как 7 июня видели среди провожающих мою маму «с Лизой на руках» (мне было 4 месяца). Начало этапа (2,5 недели) они провели вместе и очень сдружились. Затем моего отца отправили в Турткуль, а вл. Германа задержали в Самаре, и он прибыл в Турткуль только в начале сентября. Самое тяжёлое в дороге – долгие остановки в пересыльных тюрьмах (где приходится «валяться на грязном полу») и неизвестность о времени следующей отправки. Утешением служит совместная молитва. Вл. Герман пишет о праздновании Св. Пятидесятницы в Самаре: «Мне удалось сохранить самое драгоценное (видимо, запасные Св. Дары. – *Е. III.*), и я поделился этим со всеми своими спутниками». В пути «мы... вполголоса совершаем всё положенное в праздничные дни». В Самарканде ссыльных радовали «заботы и любовь здешних верных», а в Ташкенте они почувствовали заботу вл. Луки (Войно-Ясенецкого).

Впечатления от Средней Азии – очень яркие. Здесь «дики... животные, дики... люди, дики их музыка и пение... но религиозность и дисциплина мухаметанства (так! – *Е. III.*) – это нечто совсем не дикое, а очень трогательное и назидательное». Владыка вспоминает, как ему в камеру один заключённый «мухаметанин» принёс «фунта два сахара, фунта четыре белого хлеба и помидоров... и с удивительной сердечностью просил всё принять». И в другом письме, уже из Турткуля: «Вообще при непосредственном знакомстве и об-

щении с мусульманами приходит-ся много отбросить о их кровожадных инстинктах и ещё больше о нашем мнимом превосходстве».

В Турткуле приём самый доброжелательный: там ещё до прибытия моего отца и его спутников было человек 15 ссыльных священников и мирян, был преосв. Валериан (Рудич) – еп. Проскуровский, еп. Гомельский Тихон (Шарапов). Вл. Герман участвует в службах, «куда ходят и две сестры из Батюшкиного (о. Иоанна Кронштадского. – *Е. III.*) монастыря с Карповки, и получается чудеснейший хор. Словом, «щедр и милостив Господь»».

Но через полтора месяца – новое переселение, на 250 верст ниже по Аму-Дарье, в г. Ходжейли. Путешествие длится трое с половиной суток. Владыка пишет: «Под Покров мы, сидя в каюке (большой лодке. – *Е. III.*), перед заходом солнца, при чудном пении и с глубоким умилением справили всё, к чему обязывает любовь к Честнейшей. Потом, ввиду того, что ехали уже ночью при свете луны и, быть может, многим из нас уже долго не придётся слышать наши трогательные христианские гимны в хужожественном исполнении, мы часа полтора пели. Это так успокоило всех нас, что разлука на берегу... нас не расстроила особенно».

Жизнь в Ходжейли на первых порах гораздо тяжелее, чем в Турткуле. Только через полтора месяца удаётся найти «собственный угол», нет средств к существованию, затруднена почтовая связь. Вл. Герман: «...черствею, холодею, хирею духовно, потому что не иду вперёд, или Господь даёт мне возможность полнее испытать скорби, каких я не знал, и смириться в своих немощах». Трудно даются вл. Герману хозяйственные дела. С присущими ему самоиронией и юмором он пишет: «Когда утром... соизволяем мы встать, то отдаём тотчас приказание своему келейнику Николаю Степановичу (т.е. самому себе. – *Е. III.*) истопить печь. ... Он же... убирает спальню... выносит... помои, являя себя мирови... Потом следуют омовения... не такие подробные и тщательные, как у правоверных, лёгкое бесе-

дование с Аллахом, часто прерываемое капризами печки... Повар у меня недурной, но... следует присмотреть и за ним.... Эконом у меня плут, и приходится самому закупать необходимое для стола». По сравнению с жизнью в Ходжейли сибирская ссылка кажется теперь «отдыхом», «баловством».

Владыка обменивается письмами с моим отцом и мамой, которая летом 1927 г. приезжала на свидание с мужем в Турткуль. Отвечая на сожаление о. Михаила о том, что они оба слишком предавались радости свидания после полутора лет разлуки, вл. Герман пишет: «Христос никогда не требует от нас, чтобы мы подавляли или отсекали “всякое житейское радование”. Я не думаю, что греховно, когда я с наслаждением дышу чистым, напоённым ароматом цветов воздухом... когда радуюсь, чувствуя глубинами своего сердца во всём этом Того, Кто начало и конец всему; но всё это и другое... может стать бесполезным и греховным, если не будет в душе поднимать этого тихого веяния благодарности Богу и благоговения к Его милости».

Поздравляя о. Михаила с рукоположением, которое совершил 12 июля 1927 г. архиеп. Симферопольский и Таврический Никодим (Кротков), вл. Герман анализирует духовный смысл двукратных отсрочек рукоположения (первая – из-за ареста о. Михаила) и говорит, что «всякое доброе дело трудом стяжается». Он размышляет и о событиях, связанных с «Декларацией» митр. Сергия: «Вы, конечно, знаете о синдикате М.С. и о том, что ему выдан патент («синдикат» – Декларация, «патент» – регистрация Патриаршего Синода в НКВД. – *Е. III.*). Многие полагают, что можно бы и пожалуй лучше жить и без синдикатов и патентов, но я думаю, что это необходимо для середняка и бедняка, и раз это совершилось, то не без воли Божией...» (В 1930 г., развивая эту мысль в письме к Н. Д., вл. Герман напишет: «Я считаю более безопасным в духовном отношении и правильным в каноническом смысле идти за плугом даже в том случае, когда хозяин его, своими ли слабостями или резкос-

тиями личного характера, затрудняет работу».

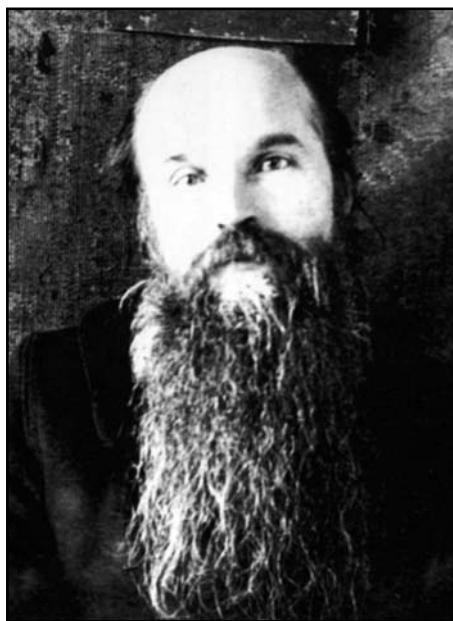
Наконец приходит освобождение. Вл. Герман, выбрав, в отличие от своего брата еп. Варлаама, путь служения в юрисдикции митр. Сергия, получает 28 июня 1928 г. назначение на епископскую кафедру в г. Вязники (Владимирская область). Владыка занимает отрицательную позицию по отношению к обновленцам. Его проповеди, популярные среди верующих, не содержат никакого «криминала» («очень осторожны», как покажут потом свидетели), но, когда он говорит о гонениях на первых христиан, аналогия напрашивается сама собой. Не может нравиться властям и прозвучавшая в проповеди положительная оценка роли религии «в развитии прогресса», и мысль о том, что «религия сделала несравненно больше, чем наука». В местной печати появляются враждебные «заметки», в т.ч. с предложением «от имени рабочих» использовать здание собора «под культурные цели или же под жилище для рабочих». Вл. Герман чувствует угрозу: «Ясно обозначился поход на мой главный Сион, где Матерь Божия Казанская, и попутно на меня самого». Активные прихожане собирают подписи в защиту собора и приходят с прошением к зданию исполкома. Это даёт повод к обвинению «большой толпы» (около 15 человек) в «спланированном антисоветском выступлении».

14 декабря арестованы еп. Герман, настоятель собора, несколько священников и мирян. Фабрикуется дело об организованной группе, в которую входят «вязниковские аборигены и искушённый в антисоветской деятельности, получивший в прошлом две адмссылки, епископ-староцерковник Герман Ряшенцев». Тюремному вл. Герман принимает более чем спокойно, пишет оттуда Верховцевым, которые отбывают ссылку: «Тому, что случилось с Масей, радуюсь всем сердцем. ...Только положение, в каком сейчас она, может без слов говорить о той правде, какую мы все любим. ... Господь послал мне сотоварищей, одинаково любящих то, что и я. ... Путь ту-

ристов (ссылных. – *Е. III.*) теперь... гораздо полезнее и яснее, чем “благодатное и мирное житие”».

В тюрьме проходит пять месяцев. 17 мая 1929 г. объявлен приговор: три года лагерей. Вл. Герман попадает в Кемь. Здесь он встречается с еп. Афанасием (Сахаровым), который служит сторожем при складе. Много и других друзей-ссылных. Вероятно, им удаётся совершать Литургию.

В рождественский сочельник еп. Германа переводят на Соловки, а в конце января 1930 г. он заболевает тифом («был близок к смер-



Епископ Герман.

Фото из следственного дела 1928 г.

ти»), но «Господь помиловал её («Масю». – *Е. III.*), она выздоровела и очень помолодела, так как все волосы её были аннексированы». (Так он напишет, когда опять будет в состоянии шутить). Вл. Герман получает инвалидность, переводится «на положение ссылного» и в конце 1930 г. покидает Соловки. Какое-то время он обитает близ Кемь, расписывает детские игрушки и безделушки, а в начале мая попадает в «северные края около Котласа». Здесь приходится хуже, чем на Соловках. «Пришлось жить на открытом воздухе... голодать... побывать в местной больнице... побывать некоторое время в центре переселенческого движения (видимо, на лагерных пересылках. – *Е. III.*)... Очень невесело было видеть то, что она («Мася». – *Е. III.*) повидала, но она... благодар-

на Господу... после всего виденного здесь все её собственные жизненные невзгоды стали казаться ей уже не такими тяжкими, а вообще страдания – нужными или такими же естественными, как родовые муки женщины».

Это он пишет уже из Деревянска, большого зырянского села, куда прибыл на Покров и где наконец на некоторое время сравнительно стабильно устроился. После Соловков «Мася» «так стала порхать с места на место, что в этот год успела переменить двенадцать мест». Передышка (два с половиной месяца) была в Великом Устюге, где владыка жил в убогой, но уютной квартире и «понемногу начал входить в колею». Но «людских страданий и горя» он увидел столько, «что и посейчас не может распутать какой-то сложный узел постоянного нервного напряжения». Он осознаёт свою «немоощь» – «нервозность, постоянную встревоженность... раздражительность, рассеянность и немирность», чувствует, что не годится «для прежней работы, какая требует постоянного внутреннего спокойствия, ясности и сострадания к другим с решительным нежеланием себя». Поэтому, несмотря на близкое окончание срока ссылки, вл. Герман хотел бы пробыть зиму здесь. Они втроём в просторной избе – с ним старец-ссылный и монахиня 64 лет, «очень выдержанная и трудолюбивая», которая ведёт их хозяйство. Храм закрыт, но в селе много ссылного духовенства, и они, видимо, могут вместе совершать Литургию.

Но «антракт» неожиданно кончается. В конце марта вместе с группой ссылных «мы... проделали сто километров по глубокому, часто по колено снегу и в сильную метель, переходящую в бурю... дошли в село Вочь» (через четыре дня. – *Е. III.*). В письме к Н. Д. владыка добавляет трогательную подробность: помощь «пришла от бабушек-староверок и от пришлой старушки-нищей, какая, не столько словами, сколько руками (стала гладить меня по голове, что-то трогательно и жалостливо приговаривая), выражала

нам сочувствие, когда мы, совершенно измученные... добрались до Вочи». Вещи и продукты остались на прежнем месте. Но «Тот, Который привёл меня сюда, послал крепость, и спокойствие духа, и терпение, и благодушие».

Господь посылает здесь неожиданную радость: к Пасхе начинает действовать местный храм. Вл. Герман в последний раз был на пасхальной службе 9 лет назад, в сибирской ссылке... «Внутри как будто кто-то говорил: “Затем и позвал, чтобы прославил и утешился”. В Деревянске ничего этого не было бы». Служить вл. Герман не имеет права, но «Мася» решила так: «принимай посильное участие – благо и читать умеет, и голосок ещё есть – в том, что составляет теперь такую редкость».

На одиннадцатый месяц сверхсрочного пребывания в ссылке (под Покров) вл. Германа вызывают в райцентр Усть-Кулом «как окончившего срок». Но это ещё не означает освобождения. Уходят последние в эту навигацию пароходы, а решения всё нет. «Внутри что-то протестовало, негодовало, сетовало и возмущалось, тихо подкрадывалось к сердцу, как тёмная мгла, давящее уныние, и радостно проходимое послушание и искупление более чем когда казалось невыносимым бременем». Хотелось наконец «выбраться из этой полосы лишений, горя, болезней и игнорирования человеческой личности, её достоинства и немощей».

Владыка поселяется «в полуразрушенной избушке недалеко от Кулома с двумя иноками, знакомыми... ещё по Беломорью», в пяти километрах от действующего храма, и опять (уже в который раз!) приходит в себя. В «последний день четвёртого года» (от ареста. – *Е. III.*), т.е. 30 ноября 1932 г., он пишет: «...на душе нет ни горечи, ни тоски... я всё более и более начинаю верить в добрый промыслительный самотёк, какой часто, незримо для нас, помогает нам изживать всё ненужное и от-шлифовывает и сглаживает все неровности и острые углы нашей внутренней жизни, вымывает все нечистоты и освежает, вливает жизнь во всё ветшающее и близкое к омертвлению».

Решение пришло под Сретенье. Ждать начала навигации вл. Герман уже не хочет, готов ехать на подводах 360 км до ближайшей железнодорожной станции. Путь «на перекладных» длился семь дней, «в морозы, которые иногда достигали 30 градусов, в довольно лёгкой для Севера и его холодов одежде». Но в пути он «часто встречал тёплую ласку и сочувствие... добрых детей Великого Просветителя Перми» (преп. Стефана Пермского). Местом жительства (без права выезда) он избрал



Епископ Герман. 1934 г.

Арзамас. Немаловажную роль в выборе этого города сыграло то, что «отпуск» был получен 2/15 января – в день памяти преп. Серафима Саровского, а Арзамас расположен близ Сарова.

Проезжая через Москву, вл. Герман виделся с митр. Сергием, но никакого назначения не получил, т.к. был не вполне свободен. В Арзамасе его встречают очень тепло. Местный еп. Серапион (Шевалевский) – тоже выпускник Казанской Духовной академии, он учился с братом еп. Германа, ныне ссыльным архиеп. Варлаамом. Еп. Серапион приглашает собрата сослужить в храме. Но когда через несколько дней вл. Герман служил уже самостоятельно, он почувствовал, «как страшно напрягают-

ся... нервы и что эта напряжённость... связывает и внутреннюю теплоту, сосредоточенность, и простоту и произвольность движений, как-то обостряет сознание своей отдельности, а не слитности». Позднее, когда вл. Серапион выделяет ему свой «уголок» – небольшой храм и порой он служит там один, «даже без дьякона», приходит ощущение, что «гораздо всё внутри сосредоточеннее, проще и задушевнее». (Видимо, после всего пережитого ему уже не по душе традиционно пышные архиерейские службы).

Передышка длилась немногим более года. В ходе очередной «кампании» в начале марта 1934 г. были арестованы еп. Серапион, еп. Герман и ещё 10 священнослужителей и мирян. Оба епископа обвинялись в том, что «активно боролись за поднятие авторитета религии и сплочение духовенства в Арзамасской епархии... вели организованную к.р. деятельность, направленную на срыв коллективизации сельского хозяйства (владыка не скрывал своего неодобрительного отношения к колхозам. – *Е. III.*) и советских мероприятий». Сорванное мероприятие – это столкновение верующих с обновленческим священником, которого прихожане не пустили в храм, несмотря на наличие у него «бумаги» от местной власти. При этом «архиерей Ряшенцев... совершенно бездействовал и толпу не успокаивал, тем самым подбадривая дух возмущения толпы». Приговор гласил: еп. Серапиону пять лет, еп. Герману три года ссылки в Северный край. Разные сроки получили и остальные обвиняемые.

В мае 1934 г. владыка прибывает на ст. Опарино Северо-Котласской жел. дороги, где он устраивается в баньке; с ним – полюбившийся ему старец, схиигумен Лука (Тара) из Киева: «Около него веет миром и молитвой». Налаживается келейная жизнь. Он пишет: «Очевидно... всего более для меня лично нужны и длинные дороги и долгие сроки, чтобы Божье восторжествовало над человеческим и через печаль земную снизошло в душу Его тихое и ничем уже нерушимое радование».

В августе их переводят в приход Сыктывкара – Кочпон. Опять приходится «понемногу приходить в себя». К счастью, еп. Герман «увлекается и увлекает других к вокальному искусству... в домике Матушки» (регентует в Казанском соборе). На рубеже 1934/35 гг., в преддверии Рождества, владыка делится своей радостью «жить там, где Он ещё не забыт, близок и дорог и... чувствуешь каждую деталь наступающего торжества и всю неизмеримую огромность, красоту и неизживаемость всего принесённого Им на землю».

В Сыктывкар переводят давнего друга – ссыльного архиеп. Феодора (Поздеевского), но их встреча летом 1936 г. весьма холодна. Причина – в разном отношении к митр. Сергию и его политике: «Федя» занимает очень непримиримую позицию (его новый друг «при одном имени митр. Сергия приходит в неистовство»), а вл. Герман пишет «Феде» большое пись-

мо с предостережением от его «нездорового увлечения» этим противостоянием. В результате «светлая дружба дала трещину». «А сердце не мирится с этим, и ему тяжело... что слабеет заповеданное Им: любовь и единение при единстве чаяний, слабеет ревность и сопротивляемость, ослабляя и без того полуразрушенный наш фронт».

В конце 1936 г., незадолго до конца ссылки, вл. Герман размышляет о будущем: «Но куда ехать и как и с кем жить – вопрос очень сложный. ... Не лучше ли Маса подражать своему брату Вите (вл. Варлааму. – *Е. Ш.*), какой живёт как затворник».

Но ехать уже никуда не пришлось. 24 февраля 1937 г. владыка арестован и с ним – ещё 12 человек: еп. Серапион, схиигумен Лука, многие монахи и миряне. Еп. Герман обвиняется «в организации контрреволюционной группы церковников фашистского тол-

ка, именуемой “Священная дружина”» (так в одном из писем к владыке кто-то назвал группу монахов, сложившуюся вокруг него); он будто бы «давал контрреволюционные установки на нелегальных собраниях группы» (группа любителей церковного пения при Казанском соборе), «выступал в защиту врагов народа троцкистов» (усомнился в виновности Зиновьева и Каменева), «организовывал оказание материальной помощи участникам группы и ссыльному духовенству». Последнее «обвинение» владыка признал.

Все обвиняемые были приговорены к «высшей мере» и расстреляны вблизи г. Сыктывкара 15 сентября 1937 г.

На заседании Священного Синода 6 октября 2001г. имя еп. Вязниковского Германа (Ряшенцева) включено в состав Собора новомучеников и исповедников Российских.



НАПУТСТВИЕ

Маленькая жертва Богу

Дорогие друзья!

Вот наконец зима наша идёт к концу. Впрочем, март в нашей широте – месяц вполне зимний, но ниже –20°, вероятно, уже не будет. Конечно, самое главное в наступающем месяце – Великий пост. Думаю, что добровольные ограничения в пище – дело весьма полезное во многих отношениях. Здесь и приобретение навыка себя в чём-то ограничивать, что бывает неплохо для жизни в целом, и пробуждение в нас тех духовных рецепторов, которые в обычное время, будучи услаждаемы пищей, теряют чувствительность, и маленькая жертва Богу как совместный со всею Церковью обет послушания, и многое, многое другое, о чём каждый из вас читал или размышлял в своей жизни.

Мне вспомнился драматичный уход из жизни Симоны Вейль, удивительной французской женщины – философа и богослова, умершей в Лондоне во время Второй мировой войны. Она умерла

от истощения, потому что в последний год своей жизни умышленно ограничивала себя рационом, который получали узники немецких концлагерей. Это был её подвиг солидарности с узниками. Она не могла есть как прежде, потому что знала о сотнях тысяч людей, голодающих в концлагерях. Так что и мы можем побыть хоть немного солидарными с миллионами людей на земле, которые постоянно страдают от голода. В одном из молодёжных летних лагерей было такое духовное упражнение: провести без пищи два-три дня, чтобы хоть немного почувствовать, что такое настоящий голод.

На всякий случай напоминаю, что Великим постом три недели почитаются как особенно строгие: первая, четвёртая и последняя (Страстная). Следует, конечно, избегать крайностей, поститься без фанатизма. Блаженны чистые сердцем, а не изводящие себя. Растительное масло употреблять без смущения. Не случайно подсол-

нечное масло в России называлось постным.

От чего можно всем отказаться без всякого вреда для здоровья, так это от телевизора и интернета (за исключением необходимого пользования для работы). Конечно, невозможно полностью избежать некоторых увеселений. Я имею в виду дни рождения, особо торжественные юбилеи, 8 марта. Но нужно стараться всё это провести поскромнее.

Ну и, конечно, простите за повтор, – перечитать Великим постом все четыре Евангелия. Можно начать ещё до поста, т.к., чтобы успеть, нужно будет читать каждый день по две главы. Вроде бы немного, но вот, не у всех получается.

Всем нам желаю провести это время в собранности, смирении, скромности, чтобы приготовить своё сердце к переживанию духовной радости Пасхи Христовой.

Храни вас Бог!

Всегда ваш

прот. А. Борисов



Ольга Мишлякова

Чего хочет от меня Бог?

Памяти Зои Афанасьевны Маслениковой

Зоя Афанасьевна Масленикова известна как скульптор, писательница, переводчик, автор книг об о. Александре Мене и Борисе Пастернаке. А ещё она была для многих мудрым наставником, учителем. Она была моей духовной мамой. Когда меня спрашивали про духовного отца, я так и говорила: «А у меня мама...»

Хотя её нет с нами уже три года (она умерла 9 февраля 2008), я знаю, что она не оставляет нас, радуется, болеет за нас, сопереживает, как всегда. Ей не надо было ничего придумывать: она просто жила и записывала то, что с ней происходило. Потому что её окружали удивительные люди и события. Иначе и быть не могло, т.к. сама она была человеком с необыкновенным умом, обаянием, пронизательностью и мудростью. Такой и была её жизнь: нужной, яркой, образцом любви ко Христу и ближним.

Её знакомство с Пастернаком и дневниковые записи вылились в книгу о поэте, а дружба с о. Александром Менем — в книгу воспоминаний о нём. Встреча с французом Эженом Сент-Эвом через 50 с лишним лет после их первого знакомства в 1944 г. в лагере для военнопленных французов и история их любви и дружбы стала для меня образцом. Образцом любви, которая ничего не требует взамен, любви дающей и сопереживающей. История её встреч с Эженом в последние годы проходила у меня на глазах и всё равно казалась чем-то нереальным, за гранью понимания этого мира: она как будто не зависела от внешних обстоятельств. Именно такой любви учила Зоя Афанасьевна, об этом ещё больше говорили её книги и поступки.

Книга «Дух дышит, где хочет» — одна из моих любимых и часто перечитываемых. Есть отрывки, к которым я возвра-

щаюсь в трудные минуты:

«Чего хочет от меня Бог, строя моё спасение? Наверно, чтобы отвращение к жизни, порожаемое неисполнением земных желаний, побудило меня переключить силы на приготовление к Жизни истинной. Только так, отрубая, как у спрута, вцепившегося во что-то, щупальца, отдирая с мясом, с кровью от того, к чему я привязана, может Он обратить меня к Себе. Возможно, Он тоже плачет от этой операции, но что же делать, если иначе меня не спасти. Твори со мной что хочешь, воля Твоя блага. Дай только сил вынести».

Мы пришли к Зое Афанасьевне на общение (так она называла свою малую группу) потерянные, сомневающиеся, нужны ли мы там. А нашли настоящую общину, члены которой стали нашими друзьями на всю жизнь. Здесь люди делились радостью и переживаниями, звучала общая молитва о каждом, происходила работа во славу Господа. Это было всё ново для нас и удивительно.

Был момент, когда мы перестали посещать общение, потому что переехали. Мы созванивались, и однажды я приехала к ней за советом. При встрече она мне дала изданный недавно «Маленький французский оазис». Я села дома его читать, и внутри всё сжалось. Там были мы, родившийся у нас Сашка. Она писала о нас, даже когда мы были далеко, когда были счастливы и не очень. Но в книге мы оставались членами этого общения, были в сердце Зои Афанасьевны.

В тот день она дала мне два совета, которые я стараюсь применять в любых сложных жизненных ситуациях. Первый касался трудных моментов в семейной жизни. Зоя Афанасьевна сказала, что надо беречь брак,



любовь до последней возможности и даже дольше. Даже когда кажется, что ничего не осталось. Потому что нам не под силу разъединить то, что даровал Господь. Я теперь знаю, как она была права, и благодарна ей за эти слова. Второй совет касался активной христианской жизни. Я однажды сказала, что хотела бы больше заниматься благотворительностью, больше уделять времени делам милосердия и служения. Она очень строго и внимательно посмотрела на меня и ответила: «Оля, пока у тебя маленькие дети, постарайся воспитать их христианами, удели сейчас им своё время. Если это получится, дальше ты сможешь делать больше и для других».

Дети растут потихоньку, и я вижу, как это сложно — воспитывать их. Потому что надо самой быть примером для детей, а это далеко не всегда получается. Но нам помогает Зоя Афанасьевна. Я это чувствую, чувствую её заботу и молитву о нас. Как ни странно, после её смерти — особенно... Однажды она сказала, что мы с ней похожи, это для меня очень ценно. Я надеюсь, что это хотя бы отчасти правда и я смогу приблизиться к такому умению любить.

Зоя Афанасьевна была не просто талантлива, она дарила и раздавала себя другим без оглядки, не всегда получая что-то взамен, и продолжала, продолжала отдавать, даже когда казалось, что сил уже нет. Я видела, как ей было тяжело физически, но она продолжала принимать людей. Была в ней непостижимая сила, та, которая «в немощи совершается».



Зоя Масленикова

Дарите сердце Богу одному

Среди талантов Зои Афанасьевны Маслениковой поэтический дар был менее всего востребован и оценён. Она дружила с большими поэтами (достаточно назвать Б. Пастернака), и в их тени, может быть, вовсе не считала себя поэтом. Тем не менее поэт она прекрасный: тонкий, умный, светлый. Предлагаем читателям небольшую подборку её стихов из сборника «Мастерская» (М., 1998). Надеемся, они помогут многим именно в дни Великого поста.



* * *

Создатель мною недоволен.
И он осенней глины взял
И с красным лесом, небом, полем
Во гневе всё перемешал.

Он замесил состав руками
И, повелевши зубы сжать,
Нетерпеливыми рывками
Стал заново меня ваять.

И вот я в неприросшей коже,
И к ней рабочий сор пристал,
А кажется, что стал похожим
Портрет на свой оригинал.
Октябрь 1958

Дар

Как трудно разглядеть себя,
Вести на смерть междоусобицу
С желаньем прочим уподобиться,
Жить, идолов не серебра,
И не бояться обособиться,

Месть за отмеченность прощать
Из жалости, из человечности
Не раз, не сто – до бесконечности,
А боль в изденье превращать,
Сдавая на хранение вечности.

Взглянуть младенчески окрест,
О замысле всего творения
Составить собственное мнение
И пронести его, как крест, –
И есть, наверно, сущность гения.
Декабрь 1958

* * *

Не я порядок в жизни создаю,
А жизнь во мне порядок созидает,
Когда я слушаю её намеки,
Упрёки, знаки – и уроки
Прилежно, вовремя сдаю.

Я – ученица вечная, седая.
Я ошибаюсь, если я учу,
Права, когда молчу.
10 ноября 1995

* * *

Настало время, и давно пора,
Пока ещё на улице светло,
Преодолеть усилием добра
Заложенное в мире зло.

Я светлый храм сложу по кирпичу
И жизнь свою, как службу, отстою.
Бог даст, я обуздаю и скручу
Бесплодную безудержность мою.

Пускай холодный дождик моросит
По местностям раздетым и босым,
Я выучусь давать, а не просить
И вверюсь беззаботно небесам.

Пускай земля убога и нага,
Она уже растенья зачала,
Которые улягутся в стога
Ко времени цветенья и тепла.

О, укрепи мой дух, благослови
Меня на новом избранном пути,
Позволь мне на земле ещё войти
В страну обетованную любви.
Апрель 1968

* * *

Притекаю к Тебе в тишине,
Притекаю в Тебя как ручей,
Проливаешься Ты в меня,
Наливаешь Собой до краёв.

Мы смешались, сплелись, слились,
Не расторгнуть, не разделить.
Мы на небе иль на земле?
У любви ни часов, ни границ.

Вечность, знаю тебя в лицо!
Царство, я тебя узнаю!
Разверзаются небеса,
Если в дом мой приходит Бог.
Декабрь 1975

* * *

Дарите сердце Богу одному,
Живущему горе за облаками.
Его возьмёт Он нежными руками,
И сразу станет весело Ему.

Лишь Он один в него не бросит камень,
Не то что муж, сестра, отец и брат.
Он дару бесконечно будет рад
И, окружив родными берегами,

Подарит детство в солнечном Крыму,
Которое уже не перестанет,
Залечит раны добрыми перстами –
Дарите сердце Богу одному.

И, исцелившись, мы полюбим снова
Мужей и братьев, жён и матерей.
Отдайте сердце Богу поскорей:
Ответный дар страдающему Слову.
Август 1983

Отец Александр Мень

Отмеченность в России не прощают,
крестом отмеченность или пером.
Великим быть в России запрещают
свинцовой пулей или топором.

Что ж говорить про избранность еврея?
Талант и святость – к нападению знак.
Убить и опорочить поскорее,
Ату вас, Осип, Мень и Пастернак!

Пророка нет в отечестве? Да что вы?
Но чья же кровь у Лавры на земле?
А мы тысячелетие не готовы
увидеть Свет – и тычемся во тьме.
Февраль 1995



Лилия Ратнер

Ангел

Я встречаюсь с другом в залах Русского музея. Мы давно не виделись, рады встрече, нам тепло и уютно среди прекрасных картин. Мы говорим, говорим, в общем, ни о чём, просто болтаем, то есть делаем то, за что я всегда ругаю студентов: мол, не для этого художники жизни не жалели, чтобы вы приятно время проводили, – на выставке надо думать, работать! Но, оказывается, иногда просто побродить среди красоты с другом так хорошо!

Устав, мы присаживаемся на диванчик в маленьком зале. Внезапно мой друг, глядя в сторону, роняет несколько фраз о себе, о том времени, когда, как я знала, у него были сложные обстоятельства, о которых он говорить не любил. И то ли было что-то в дрогнувшем голосе, то ли этот взгляд в сторону, но внезапно острая жалость и сострадание пронзили меня. У меня перехватило дыхание, потемнело в глазах, и я очутилась как бы в другом пространстве.

Пространство это имело форму круга, обложенного по периметру двумя рядами чёрных блестящих острых камней. Круг был наполнен клубами то ли дыма, то ли облаков ржаво-коричневого цвета. И я знала, что это его тоска и одиночество. И я погружаюсь в этот дым, и тоска эта входит в меня, заполняя мою грудную клетку. Не моя – тоска другого человека. Это видение длилось долю секунды и исчезло, но тоска осталась.

Когда мы расстались, я побрела по Невскому, и тоска брела со мной.

Я зашла в первую попавшуюся кафешку. Было полно народу, но у меня не было сил искать что-нибудь получше. Я долго бродила с подносом в поисках свободного места. Занято, занято, занято! Мне хотелось бросить поднос на пол и уйти.

Наконец в самом дальнем и тёмном углу зала я увидела столик на двоих, за которым сидел один человек. Не глядя на него, ничего не спра-



шивая, я плюхнулась на стул и, не помолившись даже мысленно, начала мрачно есть.

«С новым годом!» – услышала я вдруг приветливый голос. Поднимаю голову и вижу сидящего напротив молодого мужчину, улыбающегося мне. Наверное, я просияла, так как он продолжал: «Как у вас меняется лицо, когда вы улыбаетесь! А я подумал: вот так могла сидеть моя мама».

Он рассказал мне, что ему 42 года, что он собирается жить до 150. Он пожелал мне здоровья, кивнув в сторону шумной молодёжи: «Они ведь не знают, что это самое главное, а мы-то с вами знаем».

Он сказал ещё что-то милое, попрощался и ушёл. Моя тоска ушла вместе с ним.

У него было румяное лицо, голубые глаза, светлые волосы. А крылья, наверное, были спрятаны под курткой.

Я шла по тёмному промозглому Невскому. Был сильный мороз, а я потеряла перчатки. Я зашла в шикарный дорогой магазин. У меня в кармане было всего 100 рублей.



На витрине лежали перчатки небесно-голубого цвета. И стоили 90 рублей. Мне положили их в очаровательный пакетик.

Я поняла, что сочувствие – это не жалость, не готовность помочь. Сочувствие – это когда «Я» становлюсь «ТЫ», хоть ненадолго. Это то, про что сказано: «Друг друга тяготы носите и так исполните Закон Христов».



Главный редактор: протоиерей Александр Борисов
Редакционная коллегия: Ирина Языкова (заместитель главного редактора), Александр Зорин, Александр Кремлёв, Марина Насонова, Ольга Папцова, Константин Семёнов, Алла Смирнова
Редактор выпуска: Алла Калмыкова

Компьютерная вёрстка: Алина Троицкая
Адрес редакции: Столешников пер., д. 2, комн. 12.
 Тел. (495) 629 10 11
e-mail: irinayazykova@yandex.ru, acalm@list.ru
 с указанием темы письма: «Для Приходской газеты»